

ИСТОРИЯ МОИХ БЕДСТВИЙ

Первое написанное другу письмо, которое есть история бедствий Абеяра

*Как сообщает один из издателей «Латинской патрологии», Андрей из Кверцетана, «это письмо из монастыря св. Гильдасия, расположенного в Бретани, которым тогда управлял аббат Петр Абеяра, он написал к другу, имя которого в этом просторном письме ни он сам, ни Элоиза, как она напомнила во втором своем письме, не сообщают. Это повесть. Ибо во всем тексте письма он тщательно истолковывает свою жизнь сызмальства до того времени, в которое он его написал. Он не упоминает вовсе и об Иоанне Росцелине, наставнике, учнейшем философе, близость с которым подтвердил епископ Оттон Фрейзингенский, крупный писатель, живший в то же время. То же прочее, чем он мучился в душе, что претерпел, какой завистью воспламенялись против него его соперники, он описывает изящно и отвечает своим ревнивым недоброжелателям быстро, по возможности кратко и доказательно. Наконец, кажется, что это письмо он написал скорее для собственного утешения, нежели для утешения друга, а именно: чтобы и настоящие бедствия более спокойно перенести, вспомнив прошедшее, и легче избавиться от страха угрожающих опасностей. Ведь никакие душевные муки друга он не поставил рядом со своими, чтобы они могли оказаться более тяжкими при сравнении». Письмо было написано между 1132 и 1136 годом, поскольку владения монастыря Параклет были утверждены буллой папы Иннокентия II в конце 1131 г., а из монастыря св. Гильдасия Абеяра бежал в 1136 г., открыв школу в Париже. Само имя Абеяра в истории имело разные начертания: *Abaelardus* (Гильгельм (Гильом) из Нанжи, регулярный каноник из Сен-Викторской обители Иоанн), *Abailardum* (Бернард Клервоский, Оттон Фрейзингенский, Готфрид и Роберт Аутиссиодоренские, Ф.Петрарка), *Abaulardum* (автор хроники Санских архиепископов), *Abaielardum* (неизвестный каноник из Тура), *Abelardum* (Винцент из Бове), *Abayelart* (Иоанн Клопинелл, король Филипп Красивый), *Abulart* (неизвестный поэт XIV в.), *Abaalarz* (календарь Параклета). Перевод публикуется по: *Patrologiae cursus completus... series Latina... ass. J.P. Migne* (далее – MPL). Т.78. Географические названия и имена даны в их латинском начертании. Известно несколько переводов «Истории моих бедствий» на русский язык – и 1959 г. С последним мы дружески работали, выясняя правильность передачи стиля, радостно соглашаясь с некоторыми трактовками и огорчаясь по поводу, на наш взгляд, некоторых неточностей или опущенных мест. Ссылки на библейские тексты и учителей церкви сделаны издателями «Латинской патрологии». Многие пояснения, сделанные в издании 1959 г., здесь не повторяются. Географические названия даны в их средневековом виде: читатель мгновенно попадает в другой мир с другим языком и с другим содержанием всех, казалось бы, привычных понятий.*

Часто человеческие страсти или провоцируются, или укрощаются скорее примерами, нежели словами. Потому после некоего утешения в беседах, данного присутствующему, я решил написать утешительное послание (*consolatoria*) отсутствующему об опытах настоящих бедствий, случившихся со мною, чтобы ты признал свои испытания в сравнении с моими или ничтожными, или умеренными, и терпимее переносил их.

Глава I. О месте рождения Петра Абеяра и о его родителях

Я был рожден в некоем укрепленном местечке, которое было сооружено в преддверии Бретани, что, как я полагаю, на восемь миль восточнее Наннетика и

собственное название которого Палаций¹. Как по природе моей земли или легкому характеру, так и по дарованию я вскоре обнаружил склонность к учению. Отца² же я имел чуть обученного грамоте: он выделялся этим еще до того, как я приготовился к рыцарскому делу. Потому и впоследствии он был охвачен такой любовью к учению, что и сыновей имел таких: он решил наставить их в грамоте прежде, [чем они станут носить] оружие. Так и было сделано. Он позаботился о том, чтобы я, его первенец, имел тем больше любви, чем усерднее образовывался. А я продвигался в занятиях науками тем серьезнее и легче, чем более пылко льнул к ним, и я был соблазнен такой любовью к ним, что, пренебрегши блеском воинской славы и оставив наследство и преимущества первородства моего братьям, от всего сердца отказался от участия в курии Марса, чтобы воспитываться в лоне Минервы. И так как я предпочел упражнения в диалектических рассуждениях всем свидетельствам философии, то я сменил на то оружие все прочее и предпочел военным трофеям спор (conflictus) в диспутах. Поэтому я переходил из одной провинции в другую ради диспута, прослышав о том, что там процветают занятия в этом искусстве. Я стал подражателем перипатетиков.

Глава II. О преследовании со стороны его магистра Гиллельма³. О его руководстве в Мелидуне⁴, Корболии⁵ и Паризии. О его возвращении из города Паризия в Мелидун, возвращение на холм св. Женевьевы и возвращении на родину.

Я, наконец, прибыл в Паризий, где уже как само собой разумеющееся более всего процветала эта дисциплина, к Гиллельму Кампелльскому, моему наставнику в этом магистерском деле и в то время находившемуся в расцвете славы. Причем вначале я был принят им с кое-какой готовностью, затем стал в тягость, так как пытался опровергать некоторые его сентенции и чаще начинал перечить ему в рассуждениях, и, как мне кажется, иногда одерживать верх в диспутах. Что же до тех, кто был лучшим среди однокашников, то, чем моложе я был по возрасту и по времени учебы, тем большее возмущение [мною] они испытывали. С этого момента начался отсчет моих бедствий, которые длятся и до сих пор, и чуждая мне зависть разжигалась по мере распространения нашей славы. Случилось, наконец, так, что, будучи самонадеянным из-за своего таланта превыше сил возраста моего, я по-мальчишески стремился к управлению школами и заприметил место, в котором я это содеял бы, - Мелидун, замечательное укрепление того времени и королевская усадьба. Это предугадал вышеназванный магистр мой и попытался отдалить от себя наши школьные занятия⁶, о чем злоумышлял втайне любыми способами, например, чтобы, прежде чем я от них ушел, он, опередив меня, лишил бы нашу школу места. Но поскольку у него были некоторые недоброжелатели среди властных людей той земли, я заручился их поддержкой получить желаемое мне, а его откровенная зависть снискала у многих сочувствие ко мне. С самого начала наших занятий искусством диалектики мое имя стало настолько широко известным, что не только скромная слава моих однокашников, но и самого учителя понемногу угасала. С этого момента получилось так, что, еще более возомнив о себе самом, я поскорее перенес наши занятия в укрепленное место Корболии, по соседству с Паризием, чтобы отсюда наше преимущество в диспуте могло бы потеснить более речистых. По прошествии же немногого времени я, сокрушенный нездоровьем из-за чрезмерной расстроенности в занятиях, вынужден был вернуться на родину, и находясь годы как бы несколько вдали от

¹ Совр. Нант и Пале в восьми милях или трех лье от Нанта. От Палация происходит прозвище Абеяра Палатин или Перипатетик из Палатина.

² По сообщению Оттона Фрейзингенского в «Деяниях Фридриха I», у Абеяра было два брата – Бернارد и Теодорик, «ученейшие мужи»

³ Имеется в виду Гильом из Шампо.

⁴ Совр. Мелен.

⁵ Совр. Корби.

⁶ В ориг. – scholae (мн. число), имеются в виду не только школы как учреждение, но и школьные занятия и школьное сообщество. В дальнейшем это (по смыслу) так и будет переводиться.

Франкии⁷, я с еще большим пылом разыскивался теми, кого прельщало диалектическое учение.

После того, как, пропав на несколько лет, я совсем оправился от нездоровья, тот мой наставник Гиллельм, архидиакон Паризийский, сменив прежнее облачение, обратился в орден регулярных клириков⁸ с намерением, как говорили, продвинуться на более высокую ступень церковнослужения (потому что считалось бы, что он стал более набожен⁹), чего вскоре он и достиг, став Каталаунским епископом¹⁰. Однако облачение, свидетельствующее о его обращении, не отвратило его ни от города Паризия, ни от привычного занятия философии; в самом монастыре, которому он вручил себя ради религии, он сразу же по обыкновению предался публичному обучению. Я тогда вернулся к нему, чтобы прослушать у него [курс] риторики. Среди самых разных напряженных усилий, возникавших в ходе наших диспутов, я заставил его изменить, мало того - отвергнуть свою прежнюю мысль (*sententia*) об универсалиях, что было совершенно очевидно при обсуждении аргументов. В той сентенции об общности универсалий (*de communitate universalium*)¹¹ речь шла о доказательстве того, что сущностно (*essentialiter*) вещь целиком и одновременно тождественна своим отдельным индивидам¹²; по сущности между ними нет никакой разницы, различие только во множестве акциденций. Изменил же он эту свою сентенцию так: он сказал далее, что вещь тождественна не сущностно, но индифферентно¹³. И поскольку вопрос об универсалиях всегда остается у диалектиков по степени настолько главным, что Порфирий в своем «Введении [к «Категориям» Аристотеля] не решился его определять, говоря: «Дело такого рода чрезвычайной глубины»¹⁴. Когда же он исправил это, то он, более того, вынужден был отклонить и [всю] мысль; его лекции были доведены до такого пренебрежения, что его едва допустили до чтения диалектики: ибо в этой мысли об универсалиях заключалась вся суть этого искусства. С этого времени наша наука (*disciplina*) приобрело столько силы и авторитета,

⁷ Область вокруг Парижа (Иль-де-Франс), или Франкское герцогство.

⁸ Регулярные клирики (уставные каноники) – часть белого духовенства, следовавшая монашескому уставу. Термин «орден» («ordo») употреблен не случайно: с XI в. он означал новую форму строгой иерархической организации духовенства в отличие от общины.

⁹ Фраза «... ea... intentione ut quo religiosior crederetur, ad majorem praelationis gradum promoveretur...», на мой взгляд, хотя и является язвительной, тем не менее не содержит того атеистического намека, который присутствует в переводе 1959 г., где говорится, что Гильом вступил в ряды уставных каноников «с целью казаться благочестивее...» (с.14).

¹⁰ Совр. Шалонь.

¹¹ Ср. С переводом 1959 г.: «Его учение об *общих понятиях* таково...». Слов «общие понятия» в оригинале нет.

¹² Обратим внимание: вещь-*res* здесь не тождественна индивиду, единичной вещи, под вещью понимается уже нечто общее для сингулярности. Если считать позицию Гильома реалистской и если полагать под реализмом обычное «общее до вещи», то формула Гильома в изложении Абеяра, где *res* – само общее, никак не соответствует общепринятой формуле, что заставляет предположить: наше представление о реализме весьма неточно и приблизительно. Если к тому же учесть то, что Абеяра говорил о вещи в «Диалоге между Философом, Иудеем и Христианином» (см. Введение), не эта часть фразы кажется ему неточной, а последующие выводы из этого положения. Более того, Уильям Оккам в XIV в., основываясь на подобном тождестве, будет утверждать несуществование универсалий, считая их терминами, что впоследствии назвали номинализмом. А это заставляет продумать позицию, согласно которой в истории философии Гильом отнесен к ультрареалистам. О концепции Абеяра см. в этом издании «Глоссы к «Категориям» Аристотеля» (особенно с.7, прим. 37).

¹³ Это значит: добрый человек – это просто добрый человек без выяснения сути этой добротности. И эта позиция близка Абеяру, судя по его высказываниям из «Диалога...» Здесь как раз важно было изъятие сущности из определения тождества.

¹⁴ Боэций перевел этот фрагмент из «Введения» Порфирия так: «Так как... необходимо знать... что такое род и что - отличие, что – вид, что – собственное и что – случайное, и так как рассмотрение всех этих вещей полезно и для установления определений и вообще в связи с вопросами деления и доказательства, я, посредством сжатого очерка, попытаюсь представить... как бы в качестве введения, что на этот счет говорили древние, *избегая чересчур глубоких вопросов*, а более простые разрешая более или менее предположительно» (*Боэций*. Комментарий к Порфирию//*Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С.14). Курсив мой.

что те, кто прежде был сильнее привержен тому нашему магистру и более всего преследовал наше учение (*doctrina*), слетаются на наши занятия, а тот, кто наследовал нашему магистру в парижской школе, сам предложил мне свое место, чтобы среди других предаться нашему магистерии¹⁵ там, где прежде процветал тот – его и наш – магистр.

Поэтому через несколько дней после того, как я стал руководить занятиями по диалектике, наш магистр начал кипеть столь же от зависти, сколь и от досады, что это нелегко выразить. Не сумев долго вытерпеть гнев из-за постигшего бедствия, он ловко набросился на меня, чтобы отстранить меня [от занятий]. А так как у него против меня не было ничего, из-за чего он мог бы действовать открыто, то он замыслил лишить школы, обвинив в позорнейших преступлениях, того, кто уступил мне свой магистерий, заместив его в должности неким другим моим соперником. Тогда я вернулся в Мелидун и начал вести там, как прежде, наши¹⁶ занятия. И чем очевиднее преследовала меня его зависть, тем больше она приносила мне авторитета, согласно известному поэтическому высказыванию:

Высшее – зависти цель,
Бурям открыты вершины

(Овидий. Лекарства от любви. I. 369)

Немного спустя, когда он понял, что почти все его ученики сильно недоумевают по поводу его благочестия и постоянно шепчутся по поводу его обращения, потому что он не удалился из города, он перешел сам и перевел монастырских братьев вместе со своей школой в некое селение, удаленное от города. Я тотчас из Мелидуна вернулся в Париж, надеясь в дальнейшем на мирную жизнь без него. Но поскольку, как мы сказали, он заставил занять наше место нашего завистника, то я разбил стан для наших школьных занятий за городом на холме св. Геновефы¹⁷, как бы утеснив того, кто занял наше место. Прослышав о том, наш магистр сразу же, бесстыдно вернувшись в город, перевел то школьное сообщество, которое он еще мог тогда иметь, и кучку братьев в старинный монастырь, словно бы собираясь высвободить своего воина, которого он прежде бросил, из-под нашей осады. Но хотя он намеревался ему помочь, он очень сильно ему навредил. У того было несколько учеников до них, большей частью из-за лекций о Присциане, за которые, как считалось, он больше всего ценился. После же того, как прибыл магистр, он полностью лишился всех и таким образом был вынужден отказаться от управления школьными занятиями. По прошествии некоторого времени, почти отчаявшись в мирской славе, он сам обратился в монашество. После же возвращения в город нашего учителя тебе немедленно сообщили, какие споры в диспутах наши ученики вели как с ним самим, так и с учениками его имели такие, и какой успех fortuna принесла нам, более того - мне самому в этих войнах. То же у Аякса, и я говорю это с бóльшим самообладанием, и упоминаю это дерзко:

...А когда об исходе той схватки

¹⁵ В тексте - *magisterium*. Термином «магистерий», который дальше будет употреблен в переводе, обозначалось не только учительство, наставление, совет, не только учительская должность, но и непосредственное административное руководство школой. Собственно, и слово «учитель - *magister*» отличается от «учителя – *scholasticus*» или «*doctor*» тем, что он не просто учит, но руководит, подобно кормчему, ведущему судно. Более того, термин «*magister*» (от «*magus*») сохраняет связь с изначальным священнодействием, чем объясняется то, что в основном магистрами были клирики. Более того, мы оставляем в переводе слово «магистр» потому, чтобы очевиднее стало его непроизводность от «науки», передаваемой терминами «*doctrina*» (в этом смысле *doctor* – тот, кто исповедует некое определенное учение), *scientia*, *disciplina* и не связанной со священнодействием, зависящей от способностей человеческого ума.

¹⁶ Абельяр нигде не говорит «мои занятия» или «моя школа», а – «*наши занятия*», подчеркивая их совместный – учителя и учеников – характер.

¹⁷ Совр.: Женевьевы. В то время на холме св. Женевьевы располагалось старое аббатство, соперничавшее с аббатством св. Виктора (оба располагались на левобережье Сены), которым руководил Гильом из Шампо. То, что Абельяр устроил школу на этом холме, тогда еще покрытом садами, означало, что соперничество с Гильомом продолжается.

Спросите, – знайте, что я одолеть себя... не дал.

(Овидий. *Метаморфозы*. XIII. 89)¹⁸

Так что, если бы молчал я, само дело бы возгласило и указало бы на конец этого дела. Пока же это происходило, возлюбленная мать [моя] Луция заставила меня вернуться на родину. После обращения отца моего Беренгария к монашескому исповеданию она решила сделать то же. Когда это было свершено, я вернулся во Франкию тогда, когда наш уже многократно упомянутый учитель Гиллельм возымел влияние в сане епископа в Каталауне, и скорее всего ради того, чтобы выучить [всё] относительно божества. В этом же лекционном курсе его, [Гиллельма], магистр Ансельм Лаудунский¹⁹ издавна имел наивысший авторитет.

Глава III. Как Абеляр пришел к магистру Ансельму Лаудунскому.

Итак, я пришел к этому старцу, которому скорее долготелняя привычка, нежели ум или память снискали имя, к тому, к кому, если кто и приходил с сомнением по поводу некоего тревожившего его вопроса, уходил еще более сомневающимся. Он был чудесен в глазах слушающих, но никто на взгляд вопрошающих. Он дивно пользовался словами, но употреблял их жалкими по смыслу и пустыми по мысли. Когда он разжигал огонь, он наполнял свой дом дымом, не озаряя светом. Казалось, что дерево его полно восхитительных, издаലെка заметных листьев, но приближающимся и внимательно вглядывающимся открывалось, что оно – бесплодно. Когда, следовательно, я пришел к этому [древу], чтобы снять с него плод, я обнаружил, что оно – фигово, смоковница, которую проклял Господь (Мф 21б 19; Мк 11б 13), или же что оно – старый дуб, с которым Лукан сравнивает Помпея, говоря:

... Великого имени тень встает, как высокий
Дуб посреди плодородного поля

(Лукан. *Фарсалия*. I. 135 – 136)

Когда я это понял, то немного прошло дней, как я оставался праздным в его тени. Так как я мало-помалу стал реже приходить на его лекции, некоторые из его блестящих учеников стали это тяжело переживать, поскольку я словно бы презрел такого знаменитого магистра. Поэтому они, исподтишка восстанавливавшие его против меня злобными намеками, делали меня его недоброжелателем. Через несколько дней случилось так, что после некоторых [занятий] по сопоставлению сентенций мы, школяры, балагурили между собой. Там, когда он спросил меня с пылкостью обвинителя, что мне думается по поводу чтения божественных книг, которые я еще не изучал, разве что в физических аспектах, я ответил, что изучение той лекции, где разбирается спасение души, очень полезно, но меня весьма удивляет, что у грамотных людей недостает их собственных писаний или глосс для понимания толкований святых, чтобы они не ссылались на чужой магистерий. Многие присутствующие, смеясь, осведомились, не мог бы я и не самонадеянно ли мне приступать к этому. Я ответил, что я готов, если они этого хотят, попытаться. Тогда крича и еще громче смеясь, они сказали: «Конечно, - говорят, - и мы согласны. Вы выбираете, говорят, - экспозитора²⁰ какого-нибудь неиспользованного еще писания, - говорю, - и его перелагаете, и мы проверим, что вы обещаете».

И все они сошлись на [том, чтобы выбрать] самые темные пророчества Иезекииля. Приняв, таким образом, экспозитора, я сразу же пригласил их на завтра на лекцию. Они же, против воли давая мне совет, говорили, что ради такого дела мне, неопытному в этом, нужно не торопиться, но дольше трудиться в исследовании и доказательстве толкуемого

¹⁸ Перевод С.В. Шервинского (Цит. по: *Публий Овидий Назон*. Собр. соч. Т. II. СПб., 1994. С. 275).

¹⁹ Лаудун – совр. Лан. Речь об Ансельме Ланском, ученике Ансельма Кентерберийского и учителя Гильома из Шампо. Абеляр прибыл в Лан в 1113 г., через год после убийства епископа этого города. Однако он нигде и ни разу не упомянул об этом чрезвычайном событии, показав, что коммунальные вольности его нимало не интересовали, хотя он был истинным борцом за понимание Аристотеля или Священного писания.

²⁰ Экспозитор – не только толкователь, тот, кто непосредственно объясняет текст, но и сам текст или фрагмент этого текста.

места. Возмущенный, я ответил, что должен действовать не на потребу моей привычки, а по уму; и прибавил, что либо я совершенно прекращу [это занятие], либо они приходят на лекцию по моему решению без отлагательства. И пришло на нашу первую лекцию несколько человек, потому что всем казалось смешным, что я, считаясь до сих пор вроде бы совершенно неопытным в чтении святых книг, поспешно приступаю к этому. Всеми, однако, присутствовавшими на этой лекции, она была благодарно воспринята, так что они каждому отзывались о ней с похвалой и побуждали меня к глоссированию в духе этой нашей лекции. Услышав это, те, кто не присутствовал, стали наперебой приходить на вторую и третью лекцию и все равно были возбуждены переписыванием глосс, которые я делал очень много в первый день в самом начале их.

Глава IV. О преследовании его магистром Ансельмом

С этого времени названный старец, движимый завистью и уже восстановленный против меня мнением тех, о которых я выше упомянул, начал преследовать меня в области святочтения²¹ не менее, чем прежде наш Гиллельм в философии. Были тогда в школе этого старца двое, которые прочим казались одаренными, а именно Альберик из Реймса и ломбардец Лотульф²² и которые слишком много о себе мнили, – они-то против меня особенно распялись. Старец тот, больше всего, как после выяснилось, смущенный их наветами, бесстыдно запретил мне более заниматься начатым трудом по глоссированию в месте магистерия своего, ссылаясь по этой причине на то, как бы я случайно не написал в этом труде нечто такое по ошибке, как невежественный до сих пор в этих занятиях, что могло быть приписано ему. Когда это дошло до ушей школяров, они были сильно возмущены, негодуя на такую очевидную клевету, исходящую от недоброжелательности, которую ни на кого прежде никогда не возводили. Чем откровеннее она была, тем мне более приносила почета и сделала впоследствии более известным.

Глава V. Как, вернувшись в Паризий, [Абеляр] завершил свои глоссы, которые начал читать лаудунцам

Итак, через некоторое время я, вернувшись в Паризий, спокойно занимался в течение нескольких лет школой, давно уже предназначенной и предоставленной мне, откуда прежде я был изгнан, и там сразу же в начале занятий я стал усердно завершать те глоссы на Иезекииля, к которым приступил в Лаудуне. Они были приняты слушателями так, как если бы они думали, что я уже достиг в святочтении не меньшего веса, чем, как они знали, в философии. Наша школа, сильно численно выросши благодаря этим лекциям, доставила мне столько денежной прибыли, сколько и славы – нельзя было тебе не знать об этом из молвы. Но потому такое процветание всегда и окрыляет глупцов, а мирской покой ослабляет силу духа и легко изнеживает с помощью телесных соблазнов. Так как я считал, что я в мире остался единственный из философов, то я и не боялся никакого другого беспокойства. И я стал ослаблять узду сладострастия. И чем больше в философии или святочтении я добивался успеха, тем более я отходил от философов и боговдохновенных нечистотой жизни.

Известно, что философы, не говоря уже о боговдохновенных, то есть о тех, кто ревностно поощряется к занятиям святочтением, весьма ценились красотой воздержания. А так как я полностью трудился в гордыне и неге, то божественная благодать снискала мне, хотя и не жаждущему этого, лекарство от болезни, прежде всего от неги, затем и от гордыни. От неги – лишив меня тех средств, которыми я ее удовлетворял, от гордыни же, которая произошла во мне более всего от осведомленности в науках, по слову апостола:

²¹ Выбираю этот вариант перевода «sancta lectio», чтобы не употреблять еще не введенного в этом тексте Абеляром термина «теология», тем более что пока речь идет не о сложившейся и даже не складывающейся дисциплине, а как бы о первых начатках того, что вскоре станет ею.

²² Или: Локульф (в «Латинской патрологии» в этом месте стоит «Локульф», но ниже – Лотульф), Оттон Фрейзингенский называет его Леутальдом Новарским.

«Знание делает спесивым» (I Кор. 8, 1), – смилив меня сожжением той книги, которой я более всего похвалялся²³. Ведь я хочу, чтобы ты узнал каждую из историй этого дела истиннее из самого дела, чем по слухам, в том порядке, в каком они происходили. Так как я всегда отвращался от нечистоты развратников²⁴, а от эксцессов и частого посещения благородных жен я удерживался неумолимостью в школьных занятиях, я не много затевал разговоров с мирянками, то фортуна, как говорится, теща мои дурные наклонности, воспользовалась более удобным случаем, благодаря которому она сравнительно легко сбила меня с высоты этого величия; более того, божественное милосердие отмстило за униженную память о полученной благодати.

Глава VI. Как, оскользнувшись в любви к Элоизе, он был ранен как умственно, так и телесно

Жила тогда в самом городе Паризии некая девица по имени Элоиза, племянница того каноника, которого звали Фульберт и который любил ее тем сильнее, чем разборчивее во всем, в чем мог, усердно заботясь о ее образовании. Хотя она не была и лицом незначительна, богатством же познаний превосходила [всех]. Ведь это благо, то есть образование, у женщин в редкость, тем более оно отличало девушку, и во всем королевстве она была известнейшей. И обдумав все, что обычно привлекает влюбленных, я решил, что мне удобнее вступить в любовную связь, и счел, что легко могу это сделать. Поскольку у меня тогда было имя, и я отличался молодостью и приятностью наружности настолько, что мог удостоить взаимной любовью какую-нибудь из женщин, я не боялся никакого отказа. Я считал, что тем легче эта девушка мне уступит, чем больше, как я знал, она образованна и любит науку, и нам можно было бы, находясь в разлуке, обменяться друг с другом письменными посланиями, а многое смелее написать, чем сказать, а ведь всегда так важно вести приятные беседы. Итак, всячески подстрекаемый любовью этой девушки, я искал случая стать ей близким с помощью личной ежедневной беседы и тем легче склонить к согласию. Так случилось, что при вмешательстве друзей дяди упомянутой девушки, я сделал так, что он принял меня в свой дом, который была рядом с нашей школой, за некоторую плату за попечение [обо мне]. Поскольку я приводил в качестве основания того, что домашняя забота о нашей семье сильно мешало нашему усердию, и чрезмерные расходы чрезмерно отягощают меня. Он же был крайне жаден, но настолько привязан к своей племяннице, что всегда способствовал ее образованию. Я с легкостью ухватился за эти два мотива и я испросил то, чего добивался, так как он, с вожделением смотря на деньги, считал, что его племянница воспримет нечто из нашего учения. До такой степени сильно он упрашивал меня, что согласился с моими желаниями, надежду на что я заранее предугадал, и следовал из любви, вручая всю ее нашему наставничеству (*magisterium*), чтобы я принимался за труд ее обучения как днем, так и ночью всякий раз по моем возвращении из школы, и я мог строго ее наказывать, если бы чувствовал ее небрежение. Я был весьма удивлен его такой его простоватостью в этом деле, и про себя не менее изумлялся, что он вручал столь нежную овечку голодному волку. Ибо тот вручил ее мне, чтобы я не только учил ее, но и по необходимости сильно наказывал, - к чему иному вело это, как не к тому, что он сам дал лицензию моим желаниям и предоставил случай, даже если бы мы не хотели, чтобы склонить ее - гораздо легче – шлепками к тому, чего я не мог бы [добиться] ласками? Но были два обстоятельства, которые больше всего отвращали Фульберта от позорного подозрения, а именно: любовь к племяннице и предыдущая слава о моей воздержности. Чего больше? Сначала мы соединяемся в одном доме, затем – в душе.

²³ Имеется в виду «Введение в теологию», вариантом которой была – см. ниже – «Теология “Высшего блага”». Абельяр и должен был гордиться этой книгой, поскольку она впервые открыла возможности для теологии стать дисциплиной, отделившись от философии, что в XIII в. было уже фактом. Достаточно сослаться на то, что в Парижском университете (Сорбонне) был факультет теологии.

²⁴ В тексте: «*scortus*» (мужской род). Абельяр имеет в виду не блудниц, как о том написано в издании «Истории» 1959 г. (с.19), а себя или таких же, как он в то время.

Итак, под предлогом обучения мы всецело предавались любви, а желанное усердие к чтению предлагало тайные уединения, которых жаждала любовь. У раскрытых книг произносились слова более о любви, нежели о чтении. Руки чаще тянулись к груди, чем к книгам; любовь обращала глаза на себя чаще, чем чтение устремлялось к написанному. И притом мы имели меньше подозрений, ибо любовь, не ярость, раздавала побои, признательность, а не гнев, которые превзошли наслаждение от всех благовоний. Что, наконец? Никакой накал любви не прерывает томления, и если любовь могла измыслить нечто необычное, она добавляла. И чем меньше мы были опытны в этих радостях, тем более пылко приступали к ним и тем менее разборчивы были. И чем больше это сладострастие охватывало [меня], тем менее я мог быть доступен для философии и оказать помощь школе. Мне весьма тягостно было ходить в школу или в ней задерживаться, а также требовало больших усилий, так как ночные бдения я сохранял для любви, а дневные занятиям. Чтение лекций тогда находилось в таком небрежении и еле теплилось, так что я ничего не продвигал на основании ума, но по замедленной привычке; и я не был изобретателем, а только чтецом, и если и можно было придумать песни, то они были любовными, это не были тайны философии. Многие из этих песен до сих пор повторяют и распевают во многих областях, как ты и сам знаешь, больше всего теми, кого жизнь так же услаждала. Нелегко и представить, какое уныние, какие вздохи и плач овладели нашими школярами, помимо этого, когда они прочувствовали такую захваченность моей души, более того – потрясение. Ведь столь явное дело могло немногих оставить в неведении, даже никого, думаю, кроме того, к позору которого оно более всего относилось, то есть самого дяди девушки. Ему это иногда внушалось некими [людьми], но он не мог поверить, как из-за чрезмерной симпатии к своей племяннице, так и из-за моей предыдущей жизни, известной воздержанностью. Ибо тех, кого мы более всего любим, нам нелегко заподозрить в позоре. И нельзя постыдным подозрениям находиться среди сильной любви.

Отсюда и в [48] письме блаженного Иеронима²⁵ Сабиниану написано: «Обычно мы узнаем о зле в нашем доме последними и не ведаем пороки детей и жен, хотя и кричат [об этом] соседи. Но то, что позже всего узнается, когда-либо непременно приходится узнать, и нелегко скрыть то, что заметили все». Именно так через много скатившихся месяцев случилось с нами. О каком горе было для дяди, когда он узнал! Какое горе при расставании у самих влюбленных! Как сгорал я со стыда! Как сокрушен я был удрученностью девушки этим сокрушением! Сколько клокочущего волнения претерпела она из-за моего стыда! Ни один из нас не жаловался на то, что касалось его, но на то, что касалось другого. Ни один из нас не стонал о своем несчастье, но о несчастье другого. Телесная разлука максимально соединила души и еще больше разжигала любовь из-за отказа в ее возможности. И когда стыд уже был преодолен, страсть сделала [нас] еще более нестыдливими, и настолько менее страсть принадлежала стыду, насколько более подобающим казался поступок. Итак, с нами произошло то, что произошло с застигнутыми врасплох Марсом и Венерой, о чем повествовало поэтическое предание²⁶. Немного времени спустя девушка с достоверностью поняла, что она понесла. И она сразу же написала мне об этом с превеликой гордостью, советуясь, чтобы я сам подумал о том, что надо делать. Этой же ночью в отсутствие дяди, как мы договорились, я украдкой увез ее из дома дяди и переправил незамедлительно на мою родину. Там у моей сестры²⁷ она весьма долго жила, пока не появился мальчик, которого она назвала Астролябием²⁸. Дядя ее после ее бегства как бы впал в безумие, никто не постиг бы, если только не на

²⁵ Св. Иероним Стридонский (ок. 340 – 420) – один из учителей церкви, писатель, от которого дошли труды по всеобщей истории, письма; переводчик Библии с греческого на латинский язык, спорил с Руфином, переведившим сочинение Оригена «О началах».

²⁶ См.: Гомер. Одиссея. Песнь 8, ст. 266; Овидий. Метаморфозы. XIV. Имеется в виду эпизод, когда Гефест, муж Афродиты-Венеры, застав ее с Аресом-Марсом в момент прелюбодеяния, опустил на них железную сеть.

²⁷ Сестру Абеяра звали Дионисия.

собственном опыте, насколько он метался от скорби и насколько был сокрушен стыдом. Что именно он мог сделать со мной, какие козни он мог бы мне строить, он не знал. Он очень опасался, как бы его любимую племянницу не покарали на моей родине, если бы он убил меня или как-нибудь искалечил мое тело. Он никоим образом не был в состоянии схватить меня и заключить куда-нибудь по принуждению, так как я многое из этого предвидел, потому что не сомневался, что он начнет преследование как можно быстрее, если сможет или отважится.

Я, наконец, весьма сострадаю его чрезмерной тревоге и [думая] о печали, которую принесла любовь, как о высшем предательстве, чрезвычайно обвиняя самого себя, сходил к [этому] человеку, преклонив колени и обещая, помимо того, тот способ исправления, какой установит он сам. И не думая, что это покажется удивительным тому, кто испытал силу любви и кто сохранил память о том, сколько несчастья свалили женщины на великих мужей с самого начала рода человеческого. И чтобы смягчить его больше того, на что он мог надеяться, я предложил ему удовлетвориться бракосочетанием с той, разумеется, которую я соблазнил, только бы это было тайной, чтобы я не претерпел ущерба от молвы. Он согласился и как своим речательством, так и речательством близких и поцелуями привел ко мне ту, чье сочетание с собой я испрашивал, - чтобы этим легче меня предать.

Глава VII. Ответы упомянутой деви от брака. Однако он взял ее в жены.

Тотчас же вернувшись на родину, я привез мою подругу, чтобы сделать ее женой. Она, однако, менее всего одобряет это и более того, всецело отговаривает меня по двум причинам - как из-за опасности для меня, так и из-за моего бесчестия. Она клялась, что дядю касательно этого нельзя успокоить никаким удовлетворением, как впоследствии и случилось²⁹. Она спрашивала также, какую славу обо мне она возымеет, если сделает меня бесславным и равно унижит себя и меня. Какой кары должен был бы требовать от нее мир, если она похитит у него такую лампаду, сколько проклятий, сколько ущерба для церкви, сколько слез философов будут сопровождать этот брак. Как безобразно, как

---

²⁸ Как сообщает Андрей Кверцетанский, Элоиза так писала Петру Достопочтенному, аббату Клуни: «Вы помните, благодаря любви к Богу и нам, вы обещали снискать некую пребенду вашему Астролябию либо в Париже, либо в другом каком епископстве». И Петр ответил Элоизе: «Астролябию вашему, ради вас и нас я охотно постараюсь найти пребенду в каком-нибудь из известных церковных округов позднее, как только будет случай» (MPL. T.78. Col. 129 – 130. Прим. 26). В примечаниях Д.А.Дрбоглава к «Истории моих бедствий» (М., 1959. С.229) сказано, что Астролябий стал аббатом и умер в 1165 г., через два года после смерти Элоизы в 1163 г., в возрасте 45 лет.

²⁹ Сама по себе связь неженатого мужчины и незамужней женщины в XI–XIII вв. не была тем, что в то время называлось «плохим браком», то есть браком вне церковного благословения. К неосвященным церковью союзам, если это не относилось к союзам живущих в законном браке людей, массовое правосознание проявляло относительную терпимость, тем более что среди молодежи внецерковные браки были распространены. В одной из своих проповедей Жак де Витри (начало XII в., то есть того времени, к которому относится история Петра и Элоизы) говорил: «Когда... мать видит, что ее дочь сидит между двумя молодыми парнями, один из которых положил ей руку на грудь, а другой пожимает ей ладонь или обнимает за талию, она ликует, говоря, смотрите, каким вниманием пользуется моя дочь, как любят ее молодые люди, как восхищаются они ее красотой» (цит. по: *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 79). Ю.Л. Бессмертный пишет, что «ситуации, в которых юноши и девушки вступают до церковного брака в половые союзы, фиксируются во многих “диалогах”, хрониках, фавлю, соти, лэ, фарсах и т.п... Тот же Жак де Витри упоминает священника, который, будучи поставлен перед выбором сохранить либо приход, либо конкубину, предпочел покинуть приход... Обширнейший материал по этому вопросу содержится в пенитенциалиях: в них упоминается о “блуде” священников или епископов со своими прихожанками, а также с монахинями... Обычность у клириков конкубин и незаконнорожденных детей фиксируется и в частно-правовых актах. Словом, вводимый клюнийской реформой целибат приживался плохо. Не случайно в дипломах французских королей еще и в начале XII в. ряду младших чинов церковной иерархии официально разрешался – во избежание “разврата” – законный брак». Понятие «брак» к тому времени в правосознании мирян еще «не приобрело однозначного смысла, не сузилось до обозначения одной-единственной формы полового союза... Моногамный христианский брак не стал непререкаемым идеалом ни для знати, ни для крестьян и горожан (там же. С. 79–82).

горестно было бы, чтобы я, кого природа сотворила для всех, посвятил себя одной женщине и подвергся такому позору. Она весьма гнушалась этим браком, который был бы мне во всем оскорбителен. Она ссылалась на бесчестье для меня и трудности брака, о которых апостол, побуждая нас избегать их, сказал: «Свободен ли ты от жены? Не ищи жены. Если же ты взял жену, не согрешил. И если дева вышла замуж, не согрешила. Они будут иметь, однако, плотские мучения. Я же жалею вас» (1 Кор 7, 27). И далее: «Я хочу, чтобы вы были беззаботны (там же, 32). Если же я не принял ни совета апостола, ни трепета святых перед таким яремом брака, то, говорит, выслушал бы советы философов и внял бы тому, что они написали о нем или что о них написано. Часто и святые делают это, попрекая нас, как то сделано в первой [книге] «Против Иовиана» блаженного Иеронима, а именно где он напоминает, что Теофраст³⁰, после того как по большей части тщательно выразил нестерпимые муки брака и постоянные беспокойства, очевиднейшими доводами кратко выразил, что мудрому не нужно брать жены, и где сам он заключает такие философские доводы упреками: «Если, говорит, это и Теофраст обсуждал, то в кого из христиан это не проникнет?» То же и там же: «Цицерон³¹, говорит, на предложение Гирция³², чтобы после развода с Теренцией он взял [в жены] его сестру, вовсе отказался сделать это, сказав, что он не может заниматься равно женой и философией. Он не сказал [просто] «заниматься», но добавил «равно», не желая делать что-либо, что уравнилось бы с усердием к философии». И чтобы теперь я не упоминала об этой помехе философскому усердию, обдумай сам статус честного общения³³. Какая близость (conventio) у школяров со служанками, у скрипториев³⁴ с люлькой, у книг либо дощечек для письма с прялкой, у стилей, или каламов с веретеном? Кто, наконец, устремленный к святым или философским медитациям смог бы выдержать писк детей, кормилиц, которые их успокаивают, песенки, бурные семейные ссоры как среди мужчин, так и среди женщин? Кто же захочет терпеть постоянную отвратительную ребячью грязь? Это, ты скажешь, могут богатые, дворцы или дома которых имеют обширные пристанища, состоятельность которых не замечает расходов и не томится от ежедневных забот. Но, говорю, состояние философов не таково, как у богатых, и не опутываются заботами те, кто усердно стремится к власти и мирским делам, они свободны от богослужений и философских обязанностей. Отсюда и некогда известные философы, очень равнодушно относясь к миру, как не оставлявшие мир, так и бежавшие его, все запрещали себе наслаждения, чтобы успокоиться в объятиях одной только философии. Один и известнейший из них Сенека³⁵, наставляя Луцилия³⁶, сказал: «Ибо ты не освободился для философствования; всем нужно пренебречь, чтобы мы могли заниматься той, для которой никакое время не достаточно велико» (письмо 73). Не слишком важно, оставил ли ты философию или прервал [занятия ею]. Ибо она не остается там, где прервана. Заботам надо сопротивляться, и их нужно не распутывать, но устранять. То же, что у нас берут на себя из любви к Богу те, которые называются монахами, у язычников делают - из томления по философии – знаменитые философы. В любом, однако, народе, как языческом, так иудейском или христианском, всегда некоторые люди жили верой или отличались добродетелью других обычаев, и они выделялись уникальностью воздержания. У иудеев таковыми издревле были назореи, которые посвятили себя Господу согласно Закону, или сыновья пророков, последователи Илии и Елисея, которых,

³⁰ Теофраст (ок.372 – 287 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Платона и Аристотеля, руководивший после смерти Аристотеля Ликеем.

³¹ Марк Туллий Цицерон (106 – 43 до н.э.) – древнеримский философ, оратор и политический деятель

³² Авл Гирций (ок.90 – 43 до н.э.) – древнеримский полководец, сторонник Цезаря, написавший книгу УШ «Записок о Галльской войне».

³³ Никакой речи о «совместной жизни в законном браке» в этом фрагменте нет (см. с. 27 – 28 «Истории...» 1959 г.). Речь о достоинстве философа, о чем у Элоизы и у самого Абеяра говорится ниже.

³⁴ Скрипторий – мастерская письма.

³⁵ Луций Анней Сенека (ок.4 до н.э. – 65 н.э.) – древнеримский философ-стоик, покончивший с собой по приказу Нерона.

³⁶ Луцилий Младший – древнеримский поэт, друг Сенеки.

по свидетельству блаженного Иеронима мы считаем монахами из Ветхого завета. Совсем недавно существовали три школы философии, которые выделяет в ХУШ книге (гл.2) «[Иудейских] древностей Иосиф [Флавий], одни – фарисеи, другие – саддукеи, третьи – ессеи. У нас же – монахи, которые подражают общей жизни либо апостолов, либо ранней, склонной к пустынночеству жизни Иоанна [Крестителя]. У язычников же, как сказано, – философы. В самом деле, они относят имя мудрости или философии не столько к восприятию знания, сколько к религиозной жизни, как мы знаем и по самому происхождению этого имени, по свидетельству самих святых [отцов]. Отсюда и тот фрагмент из книги УШ блаженного Августина «О граде Божьем», где он различает такие роды философов: «У рода италиков был автор – Пифагор Самосский, от которого и произошло само имя философии. Ведь раньше мудрецами звали тех, которые, которые, казалось, выделялись среди других определенным образом похвальной жизни. Когда же его спросили, что он считает своим занятием, он ответил, что он – философ, то есть усердно стремящийся или любитель мудрости; потому что казалось, что чересчур дерзко считать себя мудрым».

Итак, в том месте, где он говорит: «кто, казалось, выделялся среди других определенным образом похвальной жизни» явно показывалось, что мудрыми среди людей, то есть философами называли скорее за похвальную жизнь, нежели за знания. То, что они жили трезво и воздержанно, нам не стоит показывать примерами, чтобы не поучать, как мне кажется, саму Минерву. Но если так жили миряне и язычники, не связанные никаким религиозным исповеданием, то что же следует делать тебе, клирику и канонику³⁷, чтобы ты предпочел наслаждение священно служению, чтобы оно не поглотило тебя как крутизна Харибды, чтобы бесстыдно и безудержно ты не погрузился в эти непристойности? Кто, если ты не печешься о преимущественном праве клирика, то, по крайней мере, защити достоинство философа. Если пренебрегается благоговение перед Богом, то, по крайней мере, любовь к [собственному] почету укротит бесстыдство. Вспомни, что Сократ был женат, и прежде всего он сам страшной смертью смыл это пятно философии, чтобы другие затем поступали осторожнее, [наученные] его примером. Мимо этого не прошел сам Иероним, так что в первой [книге] «Против Иовиана» он о самом Сократе написал: «В некие времена, когда он сопротивлялся бесконечным колкостям бранившейся сверху Ксантиппы, когда он был облит нечистотами, он ничего не ответил больше того, что, обтерев голову, сказал: “Я знал, – говорит, – что следом за этим громом пойдет дождь”»³⁸. Элоиза и сама прибавила, в конце концов, сколь опасно для меня ее возвращение и что для меня было бы почетнее, а для нее милее считаться подругой, а не женой, чтобы я хранил себя только ради нее одной и ничего не стягивал силою брачных уз, чтобы мы, время от времени разлучаясь, воспринимали радость от наших встреч тем приятнее, чем они реже. Убеждая или разубеждая так и тому подобным, так как она не могла уберечь меня от моей глупости, она не желала и обидеть меня. Глубоко вздохнув и плача, она так завершила свою пространную речь. «Остается, – говорит, – в конечном счете, одно: чтобы за погибелью двоих скорби последовало не меньше, чем преследовавшей их любви». И в этом, как признал весь мир, ей хватило духа

³⁷ Как сообщает Андрей Кверцетан, в хронике архиепископа Сансского написано: «В 1142 г. умер магистр Петр Абауларт – один из виднейших каноников Сансской церкви... Он был каноником, а затем женился». Но против него в Сансе был созван провинциальный собор; некоторые подозревали, что он проходил в этом месте именно благодаря прежнему там служению Абельяра. Так что то, что он был клириком или каноником прежде, чем женился, по свидетельству самой жены его, – это несомненно (см.: MPL. T. 78. Col. 131–132). Относился ли каноник к низшим клирикам, которым разрешался брак, – неясно, но в любом случае, будучи каноником, Абельяр нарушил церковный устав (правило целибата), женившись, и гнев дяди Элоизы, каноника Фульберта (см. ниже) против него оправдан (заметим: гнев, а не самосуд). Понятно также и то, почему дело Абельяра его хотели передать в Париж, где он учительствовал.

³⁸ Сам по себе этот любопытный фрагмент свидетельствует не только об уме Элоизы, но о том, кем считался и как определялся философ: не столько стремлением к знаниям, сколько принятой ими для себя жизнью, влиявшей на их судьбу.

пророчицы.

Итак, после рождения нашего малыша, оставленного на попечение моей сестры, она тайно вернулась в Паризий, и мы, после нескольких дней, проведенных, по обыкновению ночью, в тайных молитвенных бдениях в одной из церквей, там же рано утром получили брачное благословение в присутствии дяди ее и нескольких наших и его друзей. И тут же мы тайно и по отдельности разошлись, и виделись в дальнейшем редко и тайно, весьма скрывая то, что мы сделали³⁹. Дядя же ее и все домашние его, ищущие утешения своему бесчестию, начали разглашать о заключении брака и кроме того нарушили данное мне обещание. Элоиза же, напротив, стала божиться и клясться, что это лживейшая ложь. Поэтому тот, весьма разгневанный, часто обижал ее. Когда же я узнал, то перевез ее в некое аббатство монахинь близ Паризия, которое называется Аргентеоль⁴⁰, где она сама девочкой воспитывалась и обучалась. Я заставил приготовить для нее священные одежды, которые подобают монашкам при обращении, за исключением покрывала⁴¹, и надел их на нее. Услышав об этом, дядя и родственники или свойственники ее подумали, что я теперь полностью проявил себя и так легко освободился от нее, сделав монахиней. Потому очень разозлившись и составив против меня заговор, однажды ночью, когда я, отдыхая, спал в дальней комнате постоялого двора, они, соблазнив деньгами служащего мне, жесточайшим и постыднейшим мщением изувечили [меня], и мир с непомерным удивлением воспринял это, а именно: ампутировав те части моего тела, которыми я учинил то, что они оплакивали⁴². После того, как некоторые из них обратились в бегство, двое, которых смогли поймать, были ослеплены и оскотены. Одним из них был вышеупомянутый прислужник, который склонился к измене из жадности.

Глава VIII. О ранении его плоти. Он стал монахом в монастыре св. Дионисия, а Элоиза приняла постриг в Аргентеоле.

В утро, когда это случилось, собравшийся ко мне весь город насколько впал в ступор от изумления, настолько же навзрыд сокрушался, насколько они терзали меня ором, настолько расстраивали рыданиями: выразить это трудно, мало того – невозможно. Больше же всего мучили меня невыносимыми слезами и сетованиями клирики и особенно наши школяры, так что я раздражался гораздо больше из-за их сострадания, чем из страдания от раны, чувствовал стыд гораздо более, чем свой ущерб, и ущемлен позором более, чем печалью. Приходило в душу то какой славой я обладал, то каким легким и скорым способом она была унижена, более того – была совершенно уничтожена. Сколь праведным Божиим судом я поплатился той частью моего тела, которой провинился. Сколь праведным предательством отплатил мне в отместку тот, которого прежде предал я. Сколько славы снискали мои соперники, столь очевидна справедливость. Сколько

³⁹ Скрывая не только свой брак, как сказано в переводе 1959 г. (с.30), но вообще «всё, что мы сделали».

Абеляр здесь точнее и деликатнее: он и говорит скрытно.

⁴⁰ Совр.: Аржантейль.

⁴¹ Покрывало (*velum*) означало удаление от мира, чего, как видно из письма, не хотел Петр Абеляр. Любопытно, однако, другое: сама идея покрыва (*involucrum*, одного корня с *velum*) оказалась весьма значимой для него, поскольку через прекраснейшую фигуру сокровения (*involucrum*) представляло Св. Духа (см. ниже «Теологию “Высшего блага”», с.8). Если учесть о том, что он говорил несколькими предложениями ранее об Элоизе, у которой был пророческий дух, то мысль здесь та же. Речь здесь не о том, что думал Абеляр об Элоизе в монашеском одеянии или о Мировой душе, как в «Теологии», а о том, как им владела одна и та же мысль в разных обстоятельствах жизни.

⁴² О том, как был оскотен Абеляр, как утром пришли к нему, собравшись, горожане всех сословий Парижа и оплакивали его, особенно женщины, лучше всего, по мнению Андрея из Кверцетана, описал приор Диогилля Фулькон: «Скорбят горожане, считая позором, что город их осквернен пролитием твоей крови. К чему рассказывать о скорби некоторых женщин, которые, услышав об этом, по-женски орошали лицо слезами, теряя в твоём лице своего рыцаря?» (цит. по: Федотов Г.П. Абеляр. С. 199).

сокрушения от постоянной печали эта рана принесет моим родным и друзьям? Сколь широко это единственное бесчестье распространится в мире? Какой путь мне откроется далее? С каким лицом появлюсь на публике я, на кого все будут указывать пальцами, на ком все будут оттачивать языки, и я для всех буду чудовищным зрелищем? И немало смущало меня то, что по суровой букве закона мерзость евнухов такова перед Богом, что оскопленным людям, с ампутированными или израненными тестикулами, воспрещается входить в церковь как зловонным и нечистым, и животные такого рода совершенно и с презрением отталкиваются при жертвоприношении. Книга Левит (22, 24): «Вы не должны приносить в жертву Господу никакого животного с раздавленными, или отрезанными, или отсеченными, или с отнятыми тестикулами». Второзаконие (23, 1): «Да не войдет в Божий храм евнух с раздавленными или отрезанными тестикулами и отнятым органом».

Признаюсь, что скорее смущение от стыда, чем обет обращения принудило меня броситься в убежище монашеских келий. Она, однако, еще прежде нашего повеления добровольно надела покрывало и вступила в монастырь. Итак, мы оба вместе надели священную одежду, я – в аббатстве св.Дионисия, она – в вышеназванном монастыре Аргентеоля. Я помню, что она, когда многие сострадающие ей напрасно ее пугали, что ее юность под бременем монашеского устава будет нестерпимым наказанием, отвечала сквозь слезы и всхлипы в зависимости от того, что могло прорваться, такой жалобой Корнелии:

О величайший супруг мой!
Брак наш позор для тебя. Ужели злой рок будет властен
Даже над этой главой? Нечестиво вступила в союз я,
Горе принеси тебе. Так приму же и я наказание!
Добровольно приму я его...

(Лукач. Фарсалия. УШ. 94 – 98)⁴³.

И с этими словами тотчас спешит к алтарю, немедленно надевает у алтаря благословленное епископом покрывало и обязывает себя перед всеми к монашескому обету. И я сам только что окреп от раны, как стекавшиеся ко мне клирики стали с постоянной покорной настойчивостью требовать как от нашего аббата, так и от меня самого, чтобы я ныне принялся за обучение из любви к Богу, как в те поры - из жадности денег или славы, считая, что талант, который мне был вручен Господом, Ему требуется [вернуть] с лихвой. И я, который до тех пор больше всего стремился обучать богатых, впредь стремлюсь обучать бедных. И тем самым я познал, что меня теперь явственно коснулась Господня десница, поэтому, став свободнее от телесных соблазнов и разлученный с шумной жизнью света, я стал с усердием служить наукам. И я истинно стал философом не столько для мира, сколько для Бога.

В том нашем аббатстве⁴⁴, в которое я попал, жизнь была совершенно мирская и постыднейшая. Сам аббат его, а потому более прочего почитаемый, был ниже их по такой жизни и известнее срамом. Часто и резко избличая то частным образом, то публично их нетерпимые гадости, я стал для всех обременительным сверх меры и ненавистным. А они ухватились за случай, которым удалили меня от себя: я очень радовался ежедневному упорству наших учеников. Итак, после их упорных – и некстати - жалоб, когда вмешались аббат и братья, я удалился в одну келью⁴⁵, чтобы быть по обыкновению свободным для школьных занятий. На них стеклось такое множество школяров, что не доставало ни места для жилья, ни земли для пропитания. Там, хотя я и намеревался главным образом посвятить себя святочтению, поскольку это более соответствовало моему официальному статусу, я не вполне отказался и от обучения светским искусствам, с которыми весьма был знаком и которые многие от меня требовали; но из них я сфабриковал своего рода крючок,

⁴³ Корнелия – жена Помпея – произносит эти слова при встрече с мужем после его поражения при Фарсале.

⁴⁴ Введенная в аббатстве Сен-Дени при первых Капетингах клюнийская реформа с ее требованием целибата для духовенства успеха не имела.

⁴⁵ В Мезонселе (Шампань).

на который как на философское лакомство ловил тех приманенных к истинному чтению философии, подобно тому, как - о том напоминает «Церковная история», - это делал лучший из христианских философов Ориген⁴⁶. Так как Господь, по-видимому, вручил мне благодать ради [изучения] Священного писания не меньшую, чем ради мирских наук, их число на обоих курсах лекций нашей школы стало возрастать, а во всех прочих весьма уменьшилось. Оттого очень возбудились зависть и ненависть магистров ко мне. Отказывая мне во всем, в чем могли, они всегда возражали мне, главным образом в мое отсутствие, по двум пунктам: что заниматься усердным изучением светских книг весьма противно монашескому обету и что я самонадеянно приступил к чтению божественных книг без наставника такого магистрия, так что, очевидно, что мне запрещалось всякое испытание школьной доктрины, к чему они непрестанно подстрекали епископов, архиепископов, аббатов и тех лиц с именами духовного звания, каких могли.

Глава IX. О книге своей «Теологии» и о преследовании, которое он претерпел от школьных товарищей

Случилось же, что я приступил прежде всего к обсуждению основы самой веры с помощью уподоблений, идущих от человеческого разума, и я составил некий трактат по теологии «О Божественном единстве и троичности»⁴⁷ для наших школяров, которые нуждались в человеческих и философских доводах, и эти доводы требовали понимания больше, чем они могли выразить. Они говорили, что произнесение слов, за которыми не следовало бы понимания, излишне, что нельзя верить в нечто, если прежде не понять, и смешно, что кто-то проповедует то, что ни он сам, ни те, кого он учил, не могут постичь интеллектом⁴⁸, ибо и сам Господь утверждал, что «слепые были поводьями слепых» (Мф 15, 14).

Когда многие увидели и прочитали этот трактат, он в общем всем очень понравился, потому что в нем равно, по-видимому, удовлетворительно даются ответы на все вопросы. А поскольку те вопросы всем казались весьма трудными, то чем большей была их тяжесть, тем больше оценивалось изящество их разрешения. Из-за этого мои весьма распаленные противники, а прежде всего, разумеется, два старых интригана, Альберик и Лотульф, которые, похоронив своих и наших магистров, Гиллельма и Ансельма, стремились одни после них как бы царствовать и сменить их, как наследники, созвали против меня собор. А так как и тот, и другой руководили школами Ремиса⁴⁹, то они натравили на меня частыми доносами своего архиепископа Родульфа, так что с одобрения пренестинского епископа Конана, который тогда в Галлии исполнял

---

⁴⁶ «Много лет жил [Ориген] такой жизнью философов, отбрасывая все, что питает юношеские страсти; в течение целого дня нес он тяжкий труд своей аскезы; большую часть ночи посвящал занятиям Священным писанием, упорно вел жизнь самого строгого философа, то упражняя себя в посте, то строго отмеривая время сна; спал, по рвению своему, не на тюфяке, а на голой земле... Естественно, многие из учеников, видя эту философскую жизнь, устремились к подобной; из неверующих язычников его учение привлекало людей не последних по своему образованию и философским познаниям. Искренне приняли они в глубине души веру в Божественное учение, и некоторые прославились в час тогдашнего гонения, скончавшись мучениками» (*Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 202–203*). Евсевий Памфил – епископ Кесарийский (ок. 264–340). Ориген (ок. 185–254) – раннехристианский теолог и философ, систематизатор христианской мысли, автор трактата «О началах» (Самара, 1993), переведенного Руфином и Иеронимом. В свое время Э. Жильсон в книге «Философ и теология» писал о своем сомнении по поводу определения того, что такое христианская философия; но когда он это писал, он не знал, или не учитывал, определения Абеляра и уже в то время существующей фразеологии («христианская философия»), под которой понималась совокупность философско-теологической мысли.

⁴⁷ Одну из редакций этого трактата представляет публикуемая ниже «Теология “Высшего блага”».

⁴⁸ О том, что истинная вера тождественна истинному пониманию см.: *Неретина С.С. Аргумент, нуждающийся для своего обоснования только в себе//Vox. 2008. N.4 (www.vox-journal.ru)*.

⁴⁹ Совр. Реймс (названный в честь св. Ремигия, благословившего на царство короля Хлодвига. В честь этого события Реймс был признан городом– город, где короновались все франкские короли).

обязанности [папского] легата, они возвестили в городе Суессионенсе⁵⁰ под именем собора⁵¹ небольшое собрание и пригласили меня, так как я привез с собой тот известный труд, который я составил о Троице. Так и было сделано. Но до того, как я туда пришел, эти два указанных соперника наших ославили меня перед клиром и народом так, что народ в первый день нашего приезда едва не побил камнями меня и немногих из прибывших учеников наших, считая, что я исповедую трех богов и написал, как будто был в этом убежден.

Едва я прибыл в город, как пошел к легату; я передал ему для просмотра и суждения нашу книжечку, и заявил, что я готов, если написал что-либо расходящееся с католической верой, к исправлению или оправданию. Тот же сразу посоветовал мне отнести саму книжечку архиепископу и тем соперникам моим, так что судили меня те, кто уже прежде того обвинил меня, так что на мне сбылось то прежнее: «И враги наши – судьи» (Втор 32, 31). Они же, все больше и больше просматривая и обдумывая книжечку от начала до конца не осмелились, придя на слушание, выдвинуть что-либо против меня, откладывая до конца собора осуждение книги, над которой пыхтели. Я же в те несколько дней до заседания собора обсуждал при всех на публике [те вопросы] католической веры, по которым я писал, и все, кто слышал как ясность, так и смысл произносимых слов, с большим восхищением передавали их друг другу. Когда же народ и клир это исследовал, они начали говорить между собой: «Вот сейчас он говорит напрямик, и никто ничего против него не говорит. И собор спешит к окончанию, созданный, как мы слышали, главным образом из-за него. Неужели судьи познали, что заблуждались сами больше, чем он?»

Из-за этого наши завистники распалялись с каждым днем всё больше. Однажды Альберик, придя ко мне с несколькими своими учениками и с душой обвинителя⁵², после нескольких приветливых слов сказал, что он в восхищении⁵³ от того, что заметил в той книжечке, а именно: что, так как Бог родил Бога, а есть только один Бог, я, однако, отрицал, что Бог родил самого себя. Я ему тотчас ответил: «Если хотите, я приведу на это рациональный довод». «Нас не заботит, - говорит он, - в таких вопросах ни человеческий разум, ни наше чувство, но только слова авторитета»⁵⁴. Я ему: «Перелистайте, - говорю, - книгу, и вы найдете авторитет». А книга, которую он сам принес с собой, была под рукой. Я дошел до того места, которое знал и о котором сам он не имел никакого понятия или которое, желая навредить мне, не искал. И воля Бога была в том, чтобы мне быстро попало то, чего я хотел. Была же это сентенция, озаглавленная так: Августин. О Троице.

⁵⁰ Совр. Суассон.

⁵¹ Поместный собор в Суассоне был созван в 1121 г., через два года после истории с Элоизой, когда Абеляр был в весьма плачевном состоянии.

⁵² В книге «Концептуализм Абеяра» я писала, что одни исследователи считают его стиль превосходным, другие – низким. Это – яркий пример гротеска, свойственного Абеяру, свидетельствующего о его немалом писательском таланте. Такая фраза, кстати, весьма напоминает фразы О.Э.Мандельштама из «Египетской марки», вроде «ехали Марья Ивановна и ее грудная жаба». Такие иронические и гротескные фразы, основанные на противопоставлении смыслов, встречались и ранее и далее (см. следующую фразу), как и повторы одних и тех слов, которые свидетельствовали не о лексической бедности, а о старании передать школьную рутинную скуку.

⁵³ Se miragi. Это выражение можно перевести и так: «он удивился», но тем самым снизился бы накал гротеска. «Он восхитился» звучит как выражение нелепости обнаруженного им смысла слов, а «он удивился» передает всего лишь их ошибочность, что в общем-то понятно, если учесть, что он и призван был эту ошибку найти.

⁵⁴ Здесь очевидно противопоставлены две позиции, но не веры и разума, как традиционно считается (хотя и это тоже), а опоры на *устоявшееся* авторитетное мнение и мгновенной способности к рассуждению. Имеется в виду именно *устоявшееся*, хотя и *авторитетное*, мнение, а не просто авторитетное, потому что авторитетом был именно тот, на кого *постоянно* ссылались, кто устоял во множестве многолетних споров. Кого слушали сейчас и кем восхищались, авторитетом не считался. Абеляр ломал эту традицию слишком очевидно, чтобы это не вызывало раздражения, возрождая Августинову, потом Ансельмову идею веры как понимания, что, надо заметить, не было осмыслено ни их современниками, ни потомками, по-прежнему стоящими или стоящими на уровне не понимания, а перенимания известного, как многим кажется, само по себе.

Книга I: «Тот, кто думает, что Богу присуща такое могущество, чтобы родить Самого Себя, ошибается тем более, что не только Бог не таков, но и никакое духовное ли, материальное создание. Ведь вовсе нет ни одной вещи, которая сама бы себя рождала» (гл.1).

Когда его ученики, которые пришли, услышали это, они в изумлении покраснели. Сам же он, чтобы каким-то образом защититься, сказал: «Хорошо, - говорит, - это нужно понять». Я же ответил⁵⁵: «Это не новость, но к настоящему его и не за чем относить, хотя он сам искал не только слов, но и смысла». Я сказал, что, «если же он жаждал обдумать смысл и рациональные доводы, то я готов показать ему на основании его же рассуждения, что он впал в ту ересь, по которой Отец есть Сам Себе Сын».

Услышав это, он словно впал в неистовство, прибег к угрозам, объявив, что ни мои доводы, ни авторитеты не послужат мне поддержкой в этом деле. С тем он и ушел. В последний день собора, прежде чем они стали заседать, тот легат и архиепископ с моими завистниками и некоторыми другими лицами начали обсуждать, какое именно определение вынести обо мне самом и о моей книге, ради чего они главным образом и были созваны. И так как на основании моих слов или написанного, как оно оказалось в нынешних обстоятельствах, у них не было ко мне никаких претензий, то после довольно-таки длительного молчания или, точнее говоря, после того, как они не столь открыто стали вредить мне, Готфрид, епископ Карнотенский⁵⁶, который выделялся среди прочих епископов и благочестивым именем и достоинством престола, начал так: «Все вы, присутствующие здесь владыки, знаете, что учение этого человека, каким бы он ни был, и талант его, в чем бы он ни учил, имели многих поклонников и приверженцев, и что слава [его] совершенно затмила [славу] как его, так и наших магистров, и что побеги его как бы виноградной лозы протянулись от моря до моря. Если вы обремените его заранее принятым решением, чего я не думаю, то даже если вы знаете, что ваши неудовольствия возникнут оправданно, не будет недостатка во многих, кто захотел бы его защищать; особенно потому, что в представленном писании мы можем усмотреть ничего, что доказывало бы откровенно превратное толкование, как по такому поводу говорится у Иеронима: «Сила всегда публично выставляет завистников»⁵⁷, и «разит молния высочайшие горы»⁵⁸. Смотрите, как бы вы слишком сильно не поспособствовали ему, делая ему имя, и как бы мы ни навлекли на себя греха из зависти, чем на него по справедливости». Ибо лживая слава быстро подавляется, как напомнил вышеназванный учитель⁵⁹, а последующая жизнь судит о предыдущей. Если же вы расположены действовать против него канонически, то его основоположения или написанное им нужно предать гласности (*in medium proferre*), и пусть ему позволено будет свободно отвечать тому, кто спрашивает, чтобы он совершенно смолк, избличенный или признанный. Это во всяком случае согласно с сентенцией блаженного Никодима, которую он высказал, желая освободить самого Господа: «Осуждает ли наш закон человека прежде, чем его выслушают и узнают, что он делает?» (Ин 7, 51).

Услышав это, завистники мои тотчас закричали, перебивая: «О, это мудрый совет, - нам соперничать в болтливости с ним, аргументы и софизмы которого весь мир не может побороть!» Но, конечно, гораздо труднее было соперничать с самим Христом, к которому, однако, приглашал прислушаться Никодим по санкции закона. Когда же епископ не мог склонить их души к тому, что он предлагал, то он испробовал другой путь, что сдержать

⁵⁵ Subjeci. Ансельм, отвечая Гаунилону на его письмо о доказательстве бытия Бога в Ансельмовом «Прослогионе», употребил слово «objicere» («возражать»), поскольку субъекты разговора находились вдалеке друг от друга. Абельяр почти в таком же смысле – «subjicere», подчеркивая, что речь идет между двумя рядом здесь и сейчас находящимися субъектами. Но несмотря на это различие, все же термины *subjecere* и *objicere* часто являются взаимозаменяемыми.

⁵⁶ Совр.: Шартрский.

⁵⁷ *Hieronimus. Prooemium in quaest. Hebr. In Gen.*

⁵⁸ *Горацій. Оды. Кн. 10, 11 - 12.*

⁵⁹ Имеется в виду: Иероним Стридонский.

их попреки, говоря, что с дискуссией по такому делу те немногие присутствующие совладать не могут и этот вопрос нуждается в более глубоком испытании, что его совет в всяком случае таков, чтобы присутствовавший здесь мой аббат препроводил меня в мое аббатство, то есть в монастырь св.Дионисия, и там, созвав многих ученейших персон, решить при более тщательном исследовании, что именно нужно было сделать по этому поводу.

Легат согласился с этим последним решением, как и все прочие. Вслед затем он встал, чтобы отслужить мессу прежде, чем прийти на собор, и передал мне через епископа то утвержденное разрешение [дела], то есть возвращения в наш монастырь, где нужно было ждать вынесения решения. Тогда завистники мои, поняв, что они ничего не сделали, если даже это дело выскользнуло за пределы их диоцеза, туда, где, как они расценили, суд, который менее всего пекся бы о справедливости, вовсе не состоится, внушили архиепископу, что для него весьма позорно, если это дело будет перенесено на другое слушание, и есть опасность, как бы я таким образом не спасся. И сразу же побежав к легату, они изменили его приговор и против его воли силой протащили то, чтобы он осудил книгу без какого бы то ни было исследования, и тотчас сжечь при всеобщем обозрении, а меня содержать в чужом монастыре в вечном заключении⁶⁰. Ведь они говорили, что для осуждения книжечки довольно и того, что я был самонадеян настолько, что чувствовал необходимость публично читать без одобрения ее авторитетом папы Римского или церкви, а также сам давал многим ее переписывать. И будет весьма полезно для христианской веры, если на моем примере можно упредить подобное упорство многих. А так как тот легат был образован менее, чем необходимо, то он опирался больше всего на совет архиепископа, как и архиепископ на мнение тех. Так как епископ Карнотенский предчувствовал это, то он тотчас сообщил мне об этих махинациях и очень советовал мне стерпеть это настолько кротко, насколько всем открывалось, сколь насильственно они делают это. И чтобы я не сомневался в том, что насилие столь откровенной ненависти многому в будущем помешает (*obsur*), а мне в будущем пойдет на пользу (*prosum*). И чтобы я никак не расстраивался по поводу монастырской тюрьмы, поскольку он знает, что сам легат, который сделал это вынужденно, действительно через несколько дней после отъезда отсюда совершенно освободит меня. И так он утешал меня, как мог, плачем плача, и сам утешался.

Глава X. О сожжении самой книги. О преследовании его аббатом и братьями

Когда меня позвали на собор, я тотчас пришел, и они без испытания в дискуссии принудили меня собственноручно бросить в огонь мою достопамятную книгу⁶¹. И она

---

⁶⁰ То же произошло и с учителем Абеяра Росцелином, в споре с которым об универсалиях он принимал деятельное и жесткое участие, называя Росцелина «псевдодиалектиком» и «псевдохристианином», в результате чего Росцелин также навечно был заключен в монастырскую тюрьму по решению Суассонского же собора 1098 г. Уже после своего злоключения Росцелин, оскорбленный Абеяром, спор об универсалиях с которым продолжался, написал ему гневное письмо, в котором, между прочим, писал, рассматривая вопрос о том, что такое единство вещи, что вещь не остается себетождественной, если у нее отсутствует одна из ее частей. Дом без крыши – это «неполноценный дом», как и Петр (дело происходило уже после оскпления Абеяра в 1119 г., то есть через 20 с лишним лет после Суассонского осуждения – такова была сила оскорбленной души) при отсутствии у него детородного органа не может называться Петром, но «неполноценным Петром». Подробнее см.: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Пути к универсалиям. СПб., 2006. С.445 – 453. Абеяра глухо упоминает о Росцелине, но, похоже, история мстит за любые чрезмерные оскорбления друг друга.

⁶¹ Г.П. Федотов, считая Абеяра непоследовательным в жизненных ситуациях, самостоятельно не строящим ее, уступающим настроениям и обстоятельствам, полагает, что Абеяра на соборе, несмотря на то что общественное мнение было на его стороне, «не сумел заставить считаться с собой... его поведение... совершенно нелогично. Никто не мог заставить его сжечь свою книгу в Суассоне без всякого протеста, без апелляции к Риму. Если верно, что собор даже не формулировал обвинений против него, то, в сущности, он осудил сам себя. Единственное объяснение этого поступка – в безотчетном страхе и “дружеском” влиянии Шартрского епископа» (*Федотов Г.П.* Абеяра. С. 229–230).

была сожжена при полном молчании, так что, когда это обнаружилось, один из противников моих забормотал, будто он заметил в книге запись, что только Бог Отец всемогущ. Когда легат понял это бормотанье, он, очень удивившись, ответил, что такого нельзя подумать и о младенце, что он так ошибался. «Так как, - говорит, - вера общая, и она держится на трех всемогущих и исповедует, что есть именно три всемогущих». Услышав это, некий Террик⁶², наставник школяров, добавил насмешливо кое-что из Афанасия⁶³: «И однако не три всемогущих, но один всемогущ». Когда его епископ начал упрекать его и утеснять как обвиняемого, который богохульствует, тот дерзко воспротивился и словно бы вспомнил слова Даниила, сказав: «Итак, дочь Израилеву осудили вы, неразумные сыны Израилевы, не умеющие судить и не знающие истины. Возвратитесь в суд и судите самого судью, которого вы сами поставили для утверждения веры и исправления заблуждений; а когда он должен был судить, он обвинил себя своими собственными устами. Ныне же милосердие Божье освобождает явно невинного, как некогда Сусанну, от ложных обвинителей» (Дан 13, 48). Тогда архиепископ, вскипев от этих слов, подтвердил сентенцию легата, как следовало, и сказал: «Действительно, Господи, - говорит, - всемогущий Отец, всемогущий Сын и всемогущий Дух Святой. И того, кто не согласен с этим, откровенно сбившись с пути, того не стоит слушать. И если только угодно, то благо, что этот брат изложит перед всеми свою веру, так что она, как следует, будет либо одобрена, либо осуждена и исправлена».

Когда же я встал ради исповедания и объяснения своей веры, чтобы выразить собственными словами то, что я чувствовал, противники сказали, что мне необходимо не что иное, как прочесть Символ Афанасия, что точно так же мог сделать любой мальчик. А чтобы я не привел в оправдание незнание, как будто эти слова не были у меня в употреблении, они заставили принести для чтения список, чтобы я смог прочесть в промежутке между вздохами, всхлипами и слезами. Затем как обвиненный и уличенный, я был передан аббату [монастыря] св. Медарда, и меня увозят в его стены как в тюрьму.

И тотчас завершился собор.

Аббат же и монахи того монастыря, считая, что я останусь у них далее, приняли меня с великой радостью и, обращаясь со всяческой любовью, безуспешно старались утешить. Боже, ты, Кто судишь с беспристрастием, с какой желчью в душе, с какой раздраженностью ума я, покрытый позором, обвинял Тебя Самого, чаще повторяя известную жалобу блаженного Антония: «Иисусе благой! Где ты был?» Каким гневом я клокотал, какой стыд меня смущал, какой безнадежностью я ошеломлен, я мог и тогда это прочувствовать, а выразить не могу. Сколько я вынес теперь, я соотнес с тем, что некогда претерпел телом, и считал себя несчастнейшим из всех людей. Я считал то предательство в сравнении с этой несправедливостью мелким, и я гораздо больше оплакивал ущербность славы, чем ущербность тела: так как в некоторой степени я сам стал виной того предательства, а к этой несправедливости меня, терпящего насилие, подвели искреннее намерение и любовь к нашей вере, что и побудило меня писать.

Так как это жестоко и опрочечиво было сделано, то все, до кого донесся об этом слух, весьма это осудили, отдельные люди из присутствовавших, отводя от себя вину, сваливали ее на других, при том, что сами наши завистники отпирались, что сделано это было по их совету, а легат, помимо того, перед всеми проклинал злобу франков. Тот, кто сразу же применил наказание, так как был вынужден на время удовлетворить их злобу, отправил меня из чужого монастыря, в который я был уведен, в собственный. Там, как я выше упоминал, почти каждого, кто был прежде, я имел в числе враждебно настроенных, поскольку непристойность и бесстыдная круговерть их жизни были для меня весьма подозрительны, что они, понимая это, тяжело выносили. По прошествии нескольких месяцев фортуна предоставила им случай, благодаря которому они постарались погубить меня.

---

⁶² Фр.: Тьерри.

⁶³ Из его Символа веры.

В самом деле, случайно мне, когда однажды я читал, попала одна сентенция Беда⁶⁴ из толкования «Деяний апостолов», в которой он заявляет, что Дионисий Ареопагит был скорее коринфским, а не афинским епископом. Это показалось весьма противным тем, кто хвастался, что их Дионисий – тот самый Ареопагит, что его деяния прямо свидетельствуют, что он – афинский епископ. Когда я разыскал это свидетельство Беда, которое противоречило нам, я якобы в насмешку показал его некоторым стоящим вокруг братьям. Те же, сильно возмущившись, сказали, что Беда – лживейший писатель, и аббат Хульдоний⁶⁵ является более надежным свидетелем, который долго обходил Грецию, исследуя это, и действительно устранил сомнение, познав истину в деяниях его, которые он описал. Оттого когда один из них допытывался по такому неудобному вопросу: какое свидетельство мне кажется спорным – Беда или Хульдония, я ответил, что авторитет Беда, писания которого используют все церкви латинян, кажется мне более влиятельным. Чрезвычайно возмущившись из-за этого, они стали кричать, что теперь они явно раскрыли меня, ибо я всегда был угрозой для нашего монастыря и – особенно – отказал всему королевству в том, чем оно особенно славится, похитив его честь, так как я отрицал, что их заступником был Ареопагит⁶⁶. Я же ответил, что и не отрицаю этого, и не слишком обеспокоен, был ли этот заступник Ареопагитом или кем-то другим, лишь бы свой венец он получил от Бога. Те же сразу побежали к аббату и оповестили его о том, что они мне приписали. Тот же охотно это выслушал, радуясь, что представился случай, благодаря которому он мог бы растоптать меня; поскольку же он жил гораздо позорнее других, он и боялся больше. Тогда созвав свой совет и созвав братьев, он стал серьезно грозить мне и сказал, что спешно отправится к королю, чтобы тот утвердил наказание по поводу меня, поскольку я лишал его королевство венца славы. И он велел хорошенько следить за мной, куда он не передаст меня королю. Я же напрасно предлагал прибегнуть к обычной дисциплине, если я в чем-либо прегрешил.

Тогда я, страшаясь их подлости, поскольку я, столь долго сопровождаемый несчастной фортуной, совершенно отчаявшийся, как будто против меня сговорился весь мир, по договоренности с некоторыми сострадающими мне братьями и с одобрения некоторых наших учеников ночью тайно убежал и удалился в ближайшие земли графа Теобальда⁶⁷, где прежде занимал келью. И естественно, что сам он немного знал меня и очень сострадал мне в моих утеснениях, о которых слышал. Там же, в укрепленном месте Привигна⁶⁸, то есть в одной келье монахов Треценских⁶⁹, приор которых прежде был мне близок и очень меня любил, я стал проводить время. Он, обрадовавшись моему прибытию, заботился обо мне со всем усердием.

Случилось однажды, в это место прибыл к вышеназванному графу прибыл наш аббат по каким-то своим делам. Узнав про это, я пришел к графу вместе с тем приором, прося, чтобы он каким-то образом вступился за меня перед нашим аббатом, чтобы он отпустил меня и дал разрешение монашески жить там, где для меня найдется соответствующее место. Аббат и иже с ним поставили вопрос на совете, обязавшись в тот самый день ответить графу на сей счет, прежде чем уйти. Они собрали совет потому, что им показалось, что я хочу перейти в другое аббатство, а это будет безмерным срамом преждему. Они ведь приписывали себе огромную славу из-за того, я при своем обращении

⁶⁴ Беда Достопочтенный (ок. 673 – 735) – монах, написавший «Церковную историю англоv», толкования на разные книги Библии. См.: *Беда Достопочтенный*. Книга о природе вещей / Пер. и коммент. Г.Ю. Бородай // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. №1.

⁶⁵ Репарка издателей «Патрологии...»: «Хильдуин, и это правильно». Но, скорее всего, - Хильдуин (IX в.) – аббат Сен-Дени, который первым - в «Житии св. Дионисия» - утверждал тождество лиц Дионисия Ареопагита и Дионисия, епископа Парижского.

⁶⁶ Монахи Сен-Дени пользовались особым покровительством французских королей, получая от них земли и щедрые дары, и этого лишаться они не хотели. В этом смысле Абельяр представлял для них действительную угрозу.

⁶⁷ Фр.: Тибо.

⁶⁸ Совр фр.: Провен.

⁶⁹ Трецензий – совр. Труа.

направился к ним, как бы презрев все прочие аббатства; и теперь они сказали, что для них будет огромным позором, если я, унизив их, перейду к другим. Поэтому они ничего, помимо этого, не слышали ни от меня, ни от графа. Более того, они сразу стали угрожать мне, что если я спешно не вернусь, то они отлучат меня. И тому приору, к которому я бежал, они всеми способами запретили меня поддерживать долее, если он не побережется и тоже не станет участником отлучения⁷⁰.

Услышав это, как приор, так и я сильно встревожились. Но аббат, перестав быть неколебимым, через несколько дней умер⁷¹. Я пришел к его преемнику с епископом Мельденским⁷², чтобы он милостиво разрешил мне то, о чем я умолял его предшественника. Он сначала не был доволен этим делом, затем при посредничестве некоторых наших друзей я, помимо того, обратился к королю и его совету, и таким образом вымолил то, чего желал. Стефан же, в то время стольник⁷³ короля, призвав аббата и провожатых его, спросил у них, почему они хотят, чтобы я вернулся по принуждению, из-за которого они легко могли попасть в скандал и не получить никакой пользы, так как моя и их жизни никаким образом не могут совпасть⁷⁴. Я же знал мнение королевского совета о том, что чем менее то аббатство действовало по уставу, тем более оно было подчинено королю и приносило ему пользу, а именно - то, что относится к мирской выгоде. Поэтому я подумал, что легко добьюсь согласия короля и его приближенных. Так и вышло. Но чтобы монастырь не перестал мною хвастаться, они согласились перевести меня в то уединенное место, в какое я хотел бы, только бы я не подчинился никакому [другому] аббатству. И это было одобрено и утверждено в присутствии короля и его приближенных.

Итак, я удалился в уединенное место в области Треценза, которое знал прежде и в которой некоторыми людьми мне была подарена земля; с согласия епископа я прежде всего построил на этой земле во имя святой Троицы молельню из камыша и соломы. Там, укрывшись с одним нашим клириком, я смог бы воспеть Господу следующее: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне» (Пс 54, 8).

Глава XI. [Без названия]

Когда о том узнали школяры, они отовсюду начали стекаться и, оставив города и замки, заселять пустынь и строить себе вместо обширных домов маленькие хижинки и вместо тонких кушаний питаться полевыми травами и грубым хлебом, и вместо мягкого ложа устраиваться на соломе и подстилке из травы, и вместо столов воздвигать глыбы земли. И ты мог бы подумать, что они совершенно имитируют древних философов, о которых Иероним во второй книге «Против Иовиниана» упоминает в таких словах: «Через чувства как через окна происходит доступ пороков в душу. Нельзя захватывать метрополь и крепость ума иначе, если только вражеское войско не ворвется через ворота. Если кто-либо наслаждается циркачами, или состязанием атлетов, или проворством гистрионов, или женскими формами, или блеском гемм, одеждой и прочим того же рода, то через окна очей пленяется свобода души и исполняется то пророчество: «Смерть входит в наши окна» (Иер 9, 21). Итак, поскольку через эти ворота волнения вторглись в

⁷⁰ Монастырь не мог скрывать бежавшего из другого монастыря монаха.

⁷¹ Смерть аббата Сен-Дени Адама случилась в 1123 г.

⁷² Епископом г. Мо, преемником Адама, аббата Сен-Дени, был знаменитый Сугерий. К моменту смерти Адама он отсутствовал, представляя при дворе папы Каликста II, куда он прибыл для переговоров по поручению короля Людовика Толстого.

⁷³ Столоначальник или сенешал, архидиакон Стефан (Этьен) Гарланд, бывший в свое время Парижским епископом, о котором Андрей Кверцетан сообщает, что он умер в 1140 г.

⁷⁴ Это опять же очень важное место для понимания того, что представляли собой жизненные позиции в данном случае Абельяра и многих из братьев монашеской общины Сен-Дени. Не «поведение» их нельзя было согласовать (см. издание 1959 г. с.44), ибо поведение может отклоняться в ту или другую сторону при единообразии жизни, а саму жизнь, которая у Абельяра шла по иному пути, чем у остальных, он действительно исполнял свою судьбу, подобно греческим героям, и не случайно «История бедствий» оказала столь сильное влияние на Петрарку, одного из провозвестников античного возрождения..

крепость нашего ума как некие клинья, то где была свобода, где сила его, где размышление о Боге? Главным образом тогда, когда воображение представляет себе былые наслаждения, а воспоминание о пороках заставляет душу страдать и некоторым образом испытывать то, чего она не делает. На основании этих доводов многие философы оставили городское многолюдье и пригородные сады, где орошаемая земля и кудри деревьев, и щебет птиц, зеркало источника, журчащий ручей и множество соблазнов для глаз и ушей; и крепость души не утратила твердости из-за роскоши и изобилия средств, и ее целомудрие не осквернилось. Ибо бесполезно часто видеть то, чем ты был некогда пленен, и на пробу совершать над тобою то, чего ты лишился, применив много труда. Ведь и пифагорейцы, уклоняясь от такого рода многолюдья, имели обыкновение жить в уединении и пустынных местах. Но и сам Платон, хотя был богат и его ложе топтал грязными ногами Диоген, чтобы можно было освободить себя для философии избрал виллу Академа, не только забытую, поодаль от города, но и пагубную для здоровья, чтобы порывы плотской страсти обуздывались заботой и постоянной готовностью к болезням, а ученики не испытывали бы никакого другого желания, кроме как от тех вещей, которые они изучают. Такую же, как передают, вели жизнь и сыны пророков, спутники Елисея (4 Цар 6). О них как о монахах того времени сам Иероним писал среди прочего «К монаху Рустикю»: «Сыны пророков, о которых, как о монахах, мы читаем в Ветхом завете, строили себе хижины около реки Иордана и, оставив скопища и города, питались ячменной крупой и полевыми травами». Так и наши ученики, построившие себе хижины там, у реки Ардузона⁷⁵, казались скорее еремитами, чем школярами. И чем больше стекалось туда школяров и чем более строгой жизни они придерживались, учась у нас, тем более враги подсчитывали мою славу и свой позор. Те, кто сделал против меня всё, что мог, скорбели по поводу того, что всё шло мне во благо и таким образом, согласно Иерониму, хотя я удалился от городов, площади, черни, шума, зависть, как говорил Квинтилиан, проникла тайком. Ибо эти завистники, молча жаловались друг другу и говорили: «Вот весь мир пошел за ним, мы ничего не добились в том, чего ревностно добивались, но более содействовали его прославлению. Мы усердно помышляли его имя предать забвению, но более высветили его. Вот-де школяры имели в городах все необходимое наготове – и, презрев городские утехы, они стекаются к скудости пустыни, становясь по собственному побуждению нищими».

Тогда же нестерпимая бедность толкнула меня главным образом управлять школой, так как у меня не было сил копать, а нищенствовать я стыдился. Итак, я вернулся к искусству, которое знал, вместо ручного труда я перешел на службу языку. Школяры же по собственной воле готовили всё необходимое для меня, как пищу, так и одежду, обработку земли или расходы на постройки, чтобы домашние хлопоты никак не отвлекали меня от занятий. Поскольку наша молельня не могла взять даже скромное количество [школяров], то они по необходимости расширили ее и улучшили конструкции с помощью камней и дерева. Хотя молельня была основана во имя св.Троицы, а затем освящена, однако так как я, убежав сюда и находясь в таком отчаянии, несколько перевел дух милостью божественного утешения, то я назвал ее в память этого благодеяния Параклетом⁷⁶. Услышав о том, многие не без большого удивления приняли это, и некоторые то весьма осудили, говоря, что не дозволено церковь предназначать специально Св.Духу, в большей мере, чем Богу Отцу, но ее нужно посвятить либо одному Сыну, либо всей Троице вместе по древнему обычаю. Эта ошибка, разумеется, часто приводила их к некоему превратному толкованию того, что они думали, будто нет никакого сравнения между Параклетом и Духом Параклетом. Так как сама Троица и каждое Лицо Троицы называется Богом или Помощником, а таким образом и Параклетом, то есть он правильно называется Утешителем, по слову апостола: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой

---

⁷⁵ Совр.: Ардюссон

⁷⁶ Параклет – утешитель (греч.)

скорби нашей» (2 Кор 1, 3-4). И соответственно этому говорит Истина: «И даст вам другого Утешителя» (Ин 14, 16). Так как всякая церковь освящается во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и обладание ими не различается ни в чем, то что же мешает, чтобы дом Господа назывался, таким образом, не во имя Отца, а либо Св. Духа, или Сына?

Кто же настолько самонадеян, чтобы с фасада у входа соскоблить титул того, кому принадлежит сам дом? Или: поскольку Сын принес себя в жертву Отцу, и потому молитвы при совершении месс обращаются специально к Отцу, и Ему приносят жертву, почему же не представить, что алтарь принадлежит главным образом тому, к кому всего более обращают молитву и кому приносят жертву? Разве не правильнее алтарь его ставить тому, кому приносят жертву, нежели тому, кто приносит? Или кто-нибудь будет исповедовать, что алтарь лучше у Господня креста, или гроба, или блаженного Михаила, Иоанна, Петра или какого-нибудь святого, которые сами не приносятся в жертву и им не приносят жертвы или не обращаются к ним с молитвами? Разумеется, и у идолопоклонников алтари и храмы посвящались только тем, кому они сами намеревались приносить жертву и послушание. Но, возможно, кто-то скажет, что потому и Отцу нельзя посвящать ни церкви, ни алтари, потому что не существует ничего, что делалось бы для Него, что посвящало бы Ему особый праздник. Но ведь этот довод относится к самой Троице и не касается Св. Духа, ибо сам Дух по сошествии имеет свой собственный праздник Пятидесятницы, как и Сын по своем пришествии – свой, праздник Рождества. Ведь как Сын послан в мир, так и Св. Дух востребовал Себе собственного торжества, сойдя на учеников. Кому же, кажется, достойнее, чем любому из других Лиц нужно предназначать храм, если внимательнее поразмышлять над апостольским авторитетом и действием самого Духа. Ибо апостол специально не посвящал особого храма ни одному из трех Лиц, кроме Св. Духа. Ибо он говорит не столь о храме Отца или храме Сына, сколь о храме Св. Духа в первом послании к коринфянам: «Соединяющийся с Господом есть один дух с Ним» (1 Кор 6, 17). И еще: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (там же, 19).

Кто же не знает, что таинства божественного благоволения, которые совершаются в церкви, особенно приписываются действию божественной благодати, под которой понимается Св. Дух? Мы ведь возродились в крещении водой и Св. Духом, и тогда прежде всего мы созидаемся для Бога как бы в виде особого храма. В довершение благодатью Духа передается семь даров, которыми украшается и освящается сам Божий храм. Что, следовательно, удивительного, если мы посвящаем телесный храм тому Лицу, за которым апостол признал особо храм духовный? Или: какому Лицу правильнее, как говорят, относить церковь, как не тому, действию которой особо приписывается вся благодать, которая подается в церкви? Однако мы не думали об этом и не допускали мысли, когда вначале решили назвать нашу молельню Параклетом, посвятить ее одному Лицу, но получилось это по той причине, о которой мы выше представили, а именно: в память о нашем утешении. Впрочем, если бы мы сделали это на тот лад, на который обо мне говорится, то это не было бы противно разуму, хотя бы и было неизвестно обычаю⁷⁷.

---

⁷⁷ Вся эта ситуация с Параклетом была не только связана с упрочением третьего Лица Троицы как особого Лица, требующего своего рода материального воплощения, потому что оно (см. «Теологию “Высшего блага”») отвечало за все результаты творения; это было и реакцией Абельяра на разрыв двух церквей: католической и православной, происшедший в 1054 г., то есть было не столь уж давним событием, особенно если учесть, что в это время продолжались Крестовые походы, обновившие связи латинского Запада с Византией. Будучи противником этого, он в этом случае подчеркивал, что Св. Дух не только соравен двум другим Лицам, но исходит «и от Сына», чему противилось греческое православие, а в другом случае написал для Элоизы молитву «Отче наш», наоборот, в греческом варианте: «Хлеб наш свержсущий (suprasubstantialis) дай нам» - вместо принятой в католицизме «хлеб наш насущный (substantialis) дай нам (в русском языке это различие стирается из-за двусмысленности слова «насущный», которое предполагает и «ныне необходимое» и то, что находится на (то есть поверх, сверх) необходимом. Бернард Клервоский обратит внимание на эту недопустимую, с его позиции, вольность и вменит это в вину Абельяру (см. об этом ниже).

Глава XII. О преследовании его некоторыми как бы новыми апостолами

Но хотя телесно я и скрывался в этом месте, а молва тогда обежала весь свет и отзвук ее поэтического вымысла, который называется эхо, резонировал так полно, что отражался во множестве голосов, однако ничего не утайть: прежние соперники, хотя сами по себе уже не имели веса, возбудили против меня неких новых апостолов, с которыми чрезвычайно считался мир. Один из них хвастался тем, что он восстановил жизнь регулярных каноников, другой - монахов⁷⁸. Они, шествуя по миру с проповедями и бесстыдно грызя меня сколько могли, сделали меня на время презренным не столько для некоторых церковных властей, сколько для светских, и они рассыпали недоброжелательные вести не столько о моей вере, сколько о жизни, так что от меня отвернулись некоторые выдающиеся люди из наших друзей, а те, которые до сих пор сохранили ко мне что-то относящееся к прежней любви, сами скрывали всеми способами это от страха перед ними. Сам Бог мне свидетель, всякий раз, как я узнавал, что кто-то из духовных лиц созывал собор, я думал, что это делается для моего осуждения. Ошеломленный, я ожидал тотчас же как бы удара неожиданной молнии, что меня как еретика или нечестивца⁷⁹ затаскают на соборах или [оговорят] в синагогах. И если можно провести сравнение блохи со львом, муравья со слоном, то мои завистники преследовали меня не с более кротким духом, чем когда-то еретики блаженного Афанасия. Часто же, Бог знает, я впадал в такое отчаяние, что предполагал переселиться к язычникам, ускользнув из пределов христианства, и спокойно жить там по-христиански, среди врагов Христа, при согласии на какую-либо дань. Я считал, что язычники тем более будут милостивы ко мне, чем менее будут подозревать во мне христианина из-за вмененного мне преступления, и из-за этого они считали бы, что могут легче склонить меня на свой путь.

Глава XIII. Об аббатстве, в которое Абельяр был принят, и о преследовании его как сынами, то есть монахами, так и владыкой.

Когда я непрестанно сокрушался, будучи в таком потрясении, и последним для меня оставалось то решение, что я убегу к врагам Христа⁸⁰, подоспел случай, благодаря которому я поверил, что немного ослаблю эти козни. Я, однако, оказался среди христиан и даже монахов гораздо более свирепых и худших, чем язычники. Было в Бретани в епископстве Венетенском⁸¹ аббатство св. Гильдазия Ривенского⁸², оставшийся без пастыря, который умер. Единодушное избрание меня братьями призвало меня туда с

---

⁷⁸ Считается, что первым был Норберт Вестфальский (ок.1085 – 1134), основатель ордена премонстрантов, который хотел объединить белое духовенство на основе монашеского устава, архиепископ Магдебургский, а вторым – Бернард, основатель и аббат цистерцианского монастыря Клерво (ок. 1091 - 1153), мистик, один из инициаторов создания рыцарских монашеских орденов и проповедников крестовых походов. См.: *Бернард Клервоский*. Проповеди на Песнь песней; О благодати и свободе воли//Антология средневековой мысли. Теология и философия западного средневековья. Т.1/Вводная статья А.А.Клестова; *Мудрагей Н.С.* Знание и вера: Абельяр и Бернард//Вопросы философии. 1988. №10; *Неретина С.С.* Бернард Клервоский: сопряженность свободы и воли//Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995; *Шишков А.М.* Св. Бернард Клервоский: учение о человеческой свободе и церковной политике//Точки/Puncta. 2001. № 3 - 4.

⁷⁹ То есть отступника от христианской веры, что следует из последующей части фразы.

⁸⁰ По гипотезе Ж.Жоливе, Абельяр мог знать Авемпаце (Ибн Баджду), родившегося до Реконксты, умершего в 1138 г. и имевшего в латинской среде большую репутацию (*Gandillac M. de*. Le “Dialogue” d’Abélar/Abélar. Le “Dialogue”. La philosophie de la logique. Genève – Lausanne – Neuchatel. 1981. P. 7). Более того, есть предположения, высказанные Ж. Жоливе и поддержанные М. Гандильяком и Л. Штейгером, что Философ в «Диалоге между Иудеем, Философом и Христианином» (см. ниже) – магометанин (см. подробнее: *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М., 1994. С.60 – 61).

⁸¹ Совр.: в епископстве Ваннском.

⁸² Или: Рюиского или Рюенского.

согласия владетеля (princes) земли, и он легко добился этого от нашего аббата и братьев. И таким образом ненависть франков удалила меня на запад, как ненависть римлян удалила Иеронима на восток. Ибо я ни за что не согласился бы, знает Бог, на это дело, если бы я не желал бы уклониться от тех угнетений, которые, как сказал, я непрестанно терпел. Земля ведь была варварской, и язык земли был мне незнаком, а постыдная и разнузданная жизнь тех монахов была почти всем известна, и народ той земли был дикий и невоспитанный. Как тот, кто бросается с обрыва, устранившись мечом, угрожающего ему, чтобы, отложив на один момент смерть, с разбегу наткнуться на другую, так я из одной опасности искусно попал в другую, и там, у волн грохочущего океана, где край земли не позволил мне бежать дальше, я часто в молитвах моих повторял слова: «От конца земли взываю к тебе в унынии сердца моего» (Пс., 60, 3). Ибо какую я испытывал от этого тревогу, какая распущенная конгрегация братьев, взятая в управление, терзала сердце мое днем и ночью, так как я взвешивал опасности так душой, так и телом, я думаю, ни от кого уже не осталось скрыто. Ведь я действительно понимал, что, если бы я и попытался принудить их вести праведную жизнь, которую они должны исповедовать, я не смог бы жить. И что если я не сделаю это, как могу, меня нужно осудить. Некий могущественный властитель (tyrannus⁸³) этой земли уже давно подчинил себе это аббатство, случайно столкнувшись с беспорядком в самом монастыре, так что он все прилегающие к монастырю места обратил в собственную пользу и изводил монахов более тяжкими поборами, чем от иудейских данников.

Монахи доносили меня повседневными нуждами, так как они ничего не получали из того общего [имущества], которым я мог бы им предоставить, но каждый из них содержал себя и своих наложниц, сыновей и дочерей из средств, которые когда-то были их собственными. Они радовались, что я из-за этого беспокоюсь, и сами крали и скрывали всё, что могли, чтобы заставить меня, поскольку я оказался неспособен к управлению, или ослабил дисциплину, или совсем ушел. А так как всё варварство этой земли было незаконно и распущенно, то там не было никого из людей, к помощи которых я мог бы прибегнуть, ибо я также был далек от всех их нравов. Тот властитель (tyrannus) и его свита вне дома постоянно угнетали меня, внутри же против меня непрестанно интриговали братья, так что само дело показало, у апостола специально обо мне сказано: «Отвне - нападения, внутри - страхи» (2 Кор 7, 5). Я обдумывал и горестно оплакивал ту бесполезную и нищую жизнь, которую я вел, и жид так неплодотворно как для себя, так и для других, и и скольким клирикам я прежде был полезен, и что теперь от меня нет никакой пользы ни им, которых я оставил ради монахов, ни самому себе, ни даже тем монахам, и какую жизнь я, слабый во всех своих начинаниях и стремлениях, влачил, так что от всех мне должно было сделать такой упрек: «Этот человек начал строить, но не мог окончить» (Лк 14, 30). Я совсем отчаялся, когда вспоминал, от чего я бежал, и обдумывал, во что я уперся, и, расценивая прежние тяготы как бы уже ничтожными, я говорил: «Я терплю это заслуженно, потому что, оставив Параклет, то есть утешителя, я вверг себя в истинное одиночество и, желая избежать угроз, я прибежал к настоящим опасностям». Больше же всего мучило меня то, что, бросив нашу молельню, я не смог обеспечить отправления божественной службы там, как следует, так как чрезмерная бедность этого места едва обеспечивала необходимым даже одного человека. Но сам истинный Параклет принес мне из-за этого одиночества более всего истинного же утешения и заранее позаботился, как должно, о собственной молельне.

Ведь случилось так, что наш аббат из Св.Дионисия неким образом подмял под себя то вышеназванное аббатство Аргентеоя, в котором облачилась в одежду монахини та наша уже скорее сестра во Христе, чем жена, Элоиза, как будто принадлежащее ему по

---

⁸³ Абельяр применяет термин «тиран», который обычно в исторической (не говоря о философской) литературе не используется. Зато он активно используется в эпоху Возрождения применительно к Италии. Между тем у Абельяра можно различить термины «princes» и «tyrannus» как обозначающие разные владельческие состояния, и это необходимо проверить по историческим документам.

древнему праву его монастыря, и он насильно изгнал оттуда общину монахинь, где наша подруга была настоятельницей. Те изгнанницы рассеялись по разным местам, а я понял, что Господом мне представлен случай, благодаря которому я позаботился о нашей молельне. В самом деле, вернувшись туда, я пригласил в упомянутую молельню ее с некоторыми другими спутницами ее из той общины. А после того, как они прибыли туда, я уступил и подарил ей эту молельню со всем ей принадлежащим [имуществом], а затем папа Иннокентий П⁸⁴ с согласия и при посредничестве епископа этой земли скрепил навечно этот наш дар как привилегию их самих и их последователей. Там вначале они поддерживали бедную жизнь и по временам запущенную, надеясь на божественное милосердие, коему они благоговейно служили. И оно вскоре утешило их, и истинный Параклет явил себя им и произвел то, что все окружающее население стало к ним милосердным и благосклонным. И через год, как я думаю, а знает Бог, они увеличили земельные угодья более, чем если бы я остался там на сотню лет. Ведь чем женский пол слабее, тем более достойна сожаления их бедность, и душевное волнение легко потрясает людей, а добродетель их приятнее как Богу, так и людям. Господь в глазах всех проявил такую благосклонность к этой нашей сестре, которая руководила прочими, что епископы любили ее как дочь, аббаты как сестру, миряне как мать, и все равно восхищались ее набожностью, рассудительностью и несравненной кротостью терпения во всем⁸⁵. Чем реже она позволяла себе показываться, чтобы, затворившись в покое, чище и свободнее предаваться медитациям и молитвам, тем более пылко те, кто вовне, требовали ее присутствия и ободрения в духовных беседах.

Глава XIV. О порицании бесстыдства

Так как все их соседи весьма винили меня в том, что я забочусь об их нуждах меньше, чем могу и должен, и легко мог содействовать тому хотя бы проповедью, то я начал чаще возвращаться к ним, чтобы каким-то образом им помогать. При этом хватило шепотка злобы ко мне, и, хотя искренняя любовь побуждала меня делать это, обыкновенная извращенность недоверчивых бесстыдно обвинила меня, говоря, что мною до сих пор владеет какая-то жажда телесного вожделения, а потому заметно, что я едва выдерживаю или совсем не выдерживаю отсутствия моей бывшей любимой. И потому же часто носил в себе известное сетование блаженного Иеронима, который пишет Азелле о ложных друзьях: «Ни в чем меня не упрекнуть, кроме моего пола, и в этом нельзя бы упрекнуть, если бы Паула, когда она отправилась в Иерусалим». И далее: «До того, как я узнал дом святой Паулы, они страстно трубили обо мне по всему городу, и меня считали достойным сана первосвященника по почти всеобщему суждению. Но я знаю, что молва доходит до царствия небесного через добро и зло». Когда, говорю, я намотал на ус, насколько сильна несправедливость такого злословия мужей, я извлек из этого немалое утешение, говоря: «О если бы мои соперники вновь отыскали во мне столь же великую причину для подозрения, то каким же унижением они оковали бы меня! Теперь же божественное милосердие, освободив от этого подозрения, то каким образом подозрение остается при отсутствии способности совершения его? Что такое – это самое новое

⁸⁴ Иннокентий П – римский папа с 1130 г. по 1143 г.

⁸⁵ Элоиза была первой аббатисой Параклета. Петр Достопочтенный, аббат Клуни, у которого магистр Петр провел свои последние дни, писал о ней так: «Я еще не перешел пределов юности, не дошел до молодых лет, когда молва донесла до меня имя еще не благочестия твоего, но славных и благородных стремлений твоих. Я слышал тогда, что женщина, хотя и не свободная от пут мира, но в высшей степени трудится над образованием и погружена в занятия светской мудрости, поскольку твои занятия стали известны, то ты превзошла всех женщин и едва ли не всех мужей. Вскоре же, по словам апостола, дабы угодить тому, кто освободил тебя из утробы матери твоей благодатью своею, ты совершенно изменила занятия [светскими] науками на лучшее и избрала - ты, полностью и истинно философски ориентированная женщина - вместо логики евангелие, вместо физики апостола, вместо Платона Христа, вместо академии монастырь». См.: MPL. T.178. Col.172 B – D (nota 64). Обычно считается, что к тому времени знали из Платона только «Тимея», но когда говорят, что кто-то избрал «вместо Платона» кого-то другого, то, как правило, имеют в виду целое Платона, а потому следовало бы проверить сведения о чтении и знании «только Тимея».

бесстыдное преступление? Ведь эта вещь убирает в сторону любое подозрение на [совершение] этого бесстыдства. Если кто-либо стремится тщательнее наблюдать за женщинами, то они приставляют к ним евнухов, как повествует история об Эсфири и других девицах царя Агасвера (Эсф 2, 3). Мы читаем, что над всеми сокровищами царицы Кандакийской начальствовал тот могучий евнух (Деяния 8, 27), к которому ангелом был направлен апостол Филипп, чтобы обратиться и крестить его. Ведь таковые всегда добивались у скромных и порядочных женщин тем большего положения и душевности, чем дальше от такого подозрения они отстояли. Книга У1 «Церковной истории» содержит рассказ о том, что тот величайший из христианских философов Ориген, когда наставлял женщин в святом учении, сам к себе применил насилие⁸⁶ ради того, что такое [подозрение] устранить совершенно.

Я думал, однако, что божественное милосердие в этом было более благосклонным ко мне, чем к нему, потому что считается, что он действовал менее предусмотрительно, а потому стал жертвой немалого преступления. Во мне же действовала чужая вина, так что к подобному труду она подготовила меня, ничем не связанного и с тем меньшим мучением, что, будучи охваченным сном, когда они схватили меня, я почти не чувствовал страдания. Но если тогда я претерпел из-за раны очень мало, то теперь меня наказывают гораздо дольше из-за злословия, и я больше мучаюсь от ущерба, наносимого молвой, чем от увечья, нанесенного телу. Подобно тому, как написано: «Лучше доброе имя, чем большое богатство» (Притч 22, 1). И как напомнил блаженный Августин в проповеди «О жизни и нравах клириков», «кто, доверяя своей совести, пренебрегает молвой о себе, тот жесток». Он же выше: «Мы заранее заботимся о благе, как говорит апостол, не только перед Богом, но и перед людьми (Рим 12, 17). Из-за нас нашей совести достаточно в нас. Из-за нас наша слава должна не оскверняться (pollui), но быть действенной (pollere) в нас. Есть две вещи – совесть и доброе имя. Совесть тебе, доброе имя – ближнему». Что же вменила бы самому Христу или телу его⁸⁷, а именно как пророкам, так и апостолам или другим святым отцам, их ненависть, если бы те жили в их время, так как она увидела бы, что они, целомудренные телом, завязывали с женщинами сердечную беседу. Потому и блаженный Августин в книге «О труде монахов» показывает, что сами женщины льнули к Господу Иисусу Христу и апостолам как неразлучные спутницы, чтобы идти с ними даже и на проповедь (глава 4): «К тому же и верные женщины, имеющие земельные владения, шли с ними и подавали им из своего имущества (substantia), чтобы они не нуждались ни в чем из того, что относилось к сути (substantia)⁸⁸ такой жизни». И тот, кто не считает, что они стали апостолами, потому что женщины шли с ними ради святого общения и потому что они проповедовали евангелие, тот пусть вслушается в евангелие и узнает, что они делали это по примеру самого Господа. Ибо в евангелии написано: «После сего Он проходил по городам и селениям, [проповедуя и] благовествуя Царствие Божие, а с Ним двенадцать [апостолов], и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною... Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, а многие другие, которые служили Христу именем своим» (Лк 8, 1). И Лев IX [писал], отвечая на письмо Пармениана «О стремлении в монастырь»: «Мы, - говорит, - полностью признаем, что

⁸⁶ «В это время Ориген, занятый делом оглашения в Александрии, совершил поступок, свидетельствующий о душе юной, незрелой и в то же время глубоко верующей и стремящейся к самообузданию. Поняв слова: “Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного” в их буквальном смысле, думая и выполнить спасительный совет, и прекратить грязную клевету язычников (ему, юноше, приходилось беседовать о вопросах Божественных не только с мужчинами, но и с женщинами), он и поторопился на деле осуществить спасительные слова...» (*Евсевий Памфил. Церковная история. Кн. У1. С. 205*).

⁸⁷ В данном случае под «телом» имеется в виду церковь Христова и все причастники его.

⁸⁸ Самый, казалось бы, отвлеченный термин (субстанция), как правило, относящийся к сказуемому, общему понятию, здесь почти физиологичен: это не только добро (имущество), но это такое добро, которое кормит, поит и одевает, чтобы не пострадала суть (субстанция как сущность) жизни: концептуализм Абеляра заявлен здесь с необыкновенной простотой и о простоте.

епископу, пресвитеру, дьякону, иподьякону нельзя лишить попечения своего собственную жену из-за религии, да так, что не давать ей пропитания и одежды, но не признаем, чтобы он телесно возлежал с нею». Мы читаем у блаженного Павла, что так делали и святые апостолы: «Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как... братья Господни, и Кифа» (I Кор 9,5). Смотри, безумец, ведь он не сказал: «Разве мы не имеем власти обнимать сестру-жену», но «иметь спутницей»; именно чтобы они поддерживали их платой за проповедь, однако не затем, чтобы между ними была плотская связь.

Конечно, тот самый фарисей, который сам себе говорил о Господе: «Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» (Лк 7, 39). Поскольку это относится к человеческому суждению, то гораздо удобнее можно принять такое постыдное предположение о Господе, чем те [наши соперники] о нас, или чем тот, кто увидел, что он поручил мать его юноше (Ин 19, 27) или что пророки гостили и беседовали с вдовами (3 Цар 17, 10), - это может вызвать гораздо большее подозрение. Что бы сказали эти наши хулители, если бы увидели, что тот взятый в плен монах Малх, о котором пишет блаженный Иероним⁸⁹ жил в одном общем жилье с женой. К какому преступлению они отнесли бы то, что тот досточтимый учитель высоко оценил, увидев это, и сказал: «Там в одном жилище были некий старец по имени Малх, родом из этого же места, и старица. Оба ревностно относились к религии, и так часто переступали порог церкви, что ты мог бы подумать, будто это евангельские Захария и Елизавета, только что между ними не было Иоанна»? Почему, наконец, они воздерживаются от злословия на святых отцов, которых мы часто читаем или даже видим, что они учреждали женские монастыри и управляли ими по примеру семи диаконов, на которых апостолы возложили начальствование и заботу о женщинах вместо себя? (Деян 6, 5). Поэтому и в самом деле более слабый пол нуждается в помощи более сильного, так что апостол устанавливает, что муж всегда как бы глава жены. В знак этого он предписывает, чтобы она всегда покрывала голову (1 Кор 20, 5). Потому я немало удивляюсь, что сейчас в монастырях привились такие обычаи, что над мужчинами ставят во главе аббата, так же как над женщинами аббатису, и как женщины, так и мужчины связывают себя исполнением своего устава. В нем, однако, содержится много такого, чего никоим образом нельзя выполнить ни женщинам преднесенным (*femina praelata*), ни женщинам покоренным (*femina subjecta*). Во множестве мест мы видим, что, сами аббатисы и монахини, нарушая естественный порядок, верховодят над теми самыми клириками, которым подчиняется народ. И чем больше они начальствуют, тем легче можно вызвать в тех дурные желания, и это иго они несут тяжелее. Наблюдая такое, известный сатирик сказал:

Нет ничего несносней богатой женщины

Ювенал. Сатиры, VI, 460.

Глава XV. [Без названия]

Часто раздумывая над этим сам с собой, я устроил так, чтобы, насколько можно, обеспечить этих сестер, заботиться о них и даже бодрствовать, физически присутствуя с ними, чтобы они больше почитали меня. И так как преследование со стороны сынов омрачает меня горше, чем некогда со стороны братьев, то я прибил к этим [сестрам] от обвальской бури такого преследования, как к некоей спокойной гавани и чуть переводил там дух, хотя от монахинь я, в конце концов, не получил при этом никакого плода. И чем спасительнее это было для меня, тем необходимее это было для их слабого пола.

Ныне же Сатана опутал меня так, что я не нахожу места, где мог бы успокоиться или даже жить, но, бродяга и странник, я ношусь повсюду как проклятый Каин (Генезис⁹⁰ 4, 14), которого непрестанно, как я выше упоминал, мучат «отвне - нападения, внутри - страхи» (2 Кор 7, 5), более того, страхи непрестанно как извне, так и изнутри, битвы и

⁸⁹ В произведении «Житие Малха».

⁹⁰ Книга бытия.

страхи наравне. И гораздо опаснее и чаще бушуют гонения на меня сынов⁹¹, чем врагов. Ведь они всегда рядом, и я непрерывно выдерживаю их козни. Я вижу, что если я выйду из монастыря, есть опасность телесного насилия надо мной со стороны врагов. В монастыре же я бесконечно терплю махинации сынов, то есть монахов, против меня как аббата, то есть отца, совершающих их столь же жестоко, сколь и коварно.

О сколько раз они пытались погубить меня ядом, как это было сделано с блаженным Бенедиктом! И та же самая причина, по которой он оставил дурных сынов, поощряла меня с терпением следовать примеру такого отца в том самом деле, а именно: чтобы не безрассудный искуситель бы выставлен Богом против опасности, а скорее почитатель Его; более того, чтобы я не придумал, будто я убийца самого себя. Так как я предпринимал, какие мог, меры против таких ежедневных их козней при оказании мне помощи в еде или питье, они старались отравить меня в самом алтаре во время совершения таинства [причастия], а именно: наполнив чашу ядом. Когда однажды я отправился в Намнет⁹² навестить заболевшего графа, остановившись там в доме некоего моего брата по плоти, они замыслили убить меня ядом с помощью того самого слуги, который сопровождал нас, они думали, что там я не приму мер против такой махинации. Божьим же установлением свершилось так, что до того, как я попробовал приготовленную мне еду, некий брат из монахов, который прибыл со мной, по неведению воспользовавшийся этой пищей там же упал замертво, а слуга тот, который это заранее подготовил, убежал, придя в ужас как от осознания этого, так и от доказательств этого дела.

Итак, начиная с этой очевидной для всех подлости, я начал уже открыто обходить, как мог, интриги, даже уклоняться от общества аббатиссы и жил в кельях с немногими. Те, кто каким-то образом представлял, что я собираюсь уехать, выставляли на путях-дорогах разбойников, нанятых за деньги, чтобы убить меня. Пока я страдал среди этих опасностей, рука Господа сильно наказала меня однажды падением во время верховой езды, сломав себе шейный позвонок. И этот перелом сразил и искалечил [меня] гораздо больше, чем прежняя рана. И когда я, сдерживая отлучением неукротимую мятежность этих [монахов], принудил тех из них, которых больше боялся, к тому, чтобы они обещали мне публично верою и клятвой покинуть вовсе аббатство, чтобы не беспокоить меня больше ничем. Нарушив как публично данное уверение, так и клятвы, они в таком случае были принуждены клясться в этом и во многом другом волею римского папы Иннокентия, специально назначенного для этого легата, в присутствии графа и епископов. Так до сих пор они не успокоились. Недавно же, когда, изгнав тех, о которых я сказал, я пришел в монастырь аббатисы и доверился [в этом] остальным братьям, которых менее подозревал, я узнал, что они гораздо хуже тех, что они уже не ядом, но мечом касаются моего горла, от коего я едва спасаюсь, поскольку приобрел землю у знатного человека. В такой опасности я работаю до сих пор и ежедневно вижу как бы угрожающий моей шее меч, так что я едва между трапезами перевожу дух. Подобное этому можно прочитать о том, кто, считая могущество тирана Дионисия (Цицерон. Тускуланские беседы, 5), а также захваченную им власть за величайшее блаженство, увидев тайно подвешенный над ним на нитке меч, оказывается обученным, какое счастье следует за земной властью⁹³. Теперь непрерывно испытываю это я сам, из бедного монаха возведенного в аббаты, настолько ставший несчастнее, насколько богаче результат, так что пусть сдержится честолюбие тех, глядя на наш пример, кто домогается этого по собственной воле.

Такова, возлюбленный брат во Христе и ближайший товарищ по долгой беседе, история моих бедствий, среди которых я тружусь непрерывно, как бы с молодых ногтей; того, что я написал ради твоего уединения и несправедливости, которой ты подвергся, достаточно, чтобы, как я предупредил в начале письма, ты рассудил, что в сравнении с

⁹¹ Абельяр был аббатом, прочие монахи были его «детьми».

⁹² Совр. Нант.

⁹³ Имеется в виду Дамоклов меч.

моим твой гнет или никакой, или слабый, и ты обдумаешь его тем терпеливее, чем он легче. При этом всегда нужно добавлять в утешение то, что Господь предсказывал о своих учениках и учениках дьявола: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин 15, 20) «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё» (Ин 15, 18) И: «Все, желающие жить благочестиво во Христе [Иисусе], - говорит апостол, - будут гонимы» (II Тим 3, 12). И в другом месте: «Людам ли угождать стараюсь?. Если бы я и поныне угождал людам, то не был бы рабом Христовым» (Гал 1, 10). И Псалмопевец говорит: Введены в заблуждение те, кто угождает людам, так как Бог презрел их (Пс 52). Тщательно размышляя над этим, блаженный Иероним, наследником которого я считаю себя главным образом из-за унижений злословием писал Непотиану: « Если бы я и до сих пор угождал людам, говорит апостол, я не был бы рабом Христа. Но у него не было нужды угождать людам, и он сделался рабом Христа». Он же писал и Азелле о лживых друзьях (письмо 99): «Я приношу благодарение Богу моему за то, что удостоился ненависти мира». И к монаху Илиодору (письмо 1): «Ты ошибаешься, брат, ошибаешься, если думаешь, что христианин когда-либо не претерпит преследования. Враг наш, аки лев рыкающий, бродит, ища, кого съесть, а ты помышляешь о мире? (I Пет 5, 8). Сидит он в засаде вместе с богатыми (Пс 9, 10)».

Итак, воодушевленные этими доказательствами и примерами, мы вытерпим это настолько спокойнее, насколько преступнее они нападают. И не будем сомневаться, что это полезно если и не для заслуги нашей, то, по крайней мере, для некоего очищения. А поскольку всё происходит по Божьему соизволению, то каждый увереннее утешится при любых тяготах тем, по крайней мере, что Божья высшая благодать не позволит ничему случиться беспорядочно, и что бы ни случилось дурного, оно завершит наилучшим образом. Оттого все к Нему прямо и обращаются: «Да будет воля твоя». Наконец, какое утешение для любящих Бога содержится в апостольском суждении, которое гласит: «Знаем, что любящим Бога [...] все содействует ко благу» (Рим 8, 28). О том же заботился и тот мудрейший, ибо в Притчах говорил: «Праведника не опечалит ничто с ним случившееся» (Притч 12, 21)⁹⁴. Этим он ясно показывает, что те, кто гневается из-за своей тягости, отклоняются от справедливости, хотя не сомневаются, что это происходит по Божественному произволению. И они подчиняются скорее своей собственной воле, чем Божьей, и той, что на словах звонит «да будет воля Твоя», они противодействуют тайными желаниями, предпочитая собственную волю Божьей.

Прощай.

Пер. с латинского и комментарии С.С.Неретиной

---

⁹⁴ В синодальном издании: «Не приключится праведнику никакого зла».